

Бертольд Брехт

Мамаша Кураж и ее дети (Перевод Б. Заходера и Вс. Розанова)

Хроника времен Тридцатилетней войны

Стихи в переводе С. Апта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мамаша Кураж.

Катрин - ее немая дочь.

Эйлиф - ее старший сын.

Швейцарец - ее младший сын.

Вербовщик.

Фельдфебель.

Повар.

Военачальник.

Полковой священник.

Каптенармус.

Иветта Потье.

Одноглазый.

Другой фельдфебель.

Старик-полковник.

Писарь.

Молодой солдат.

Пожилой солдат.

Крестьянин.

Жена его.

Крестьянский парень.

Старуха.

Еще один крестьянин.

Крестьянка.

Молодой крестьянин.

Прапорщик.

Солдаты.

Голос.

I

Весна 1624 года. Военачальник Оксеншерна набирает в Даларне войско для похода на Польшу. У маркитантки Анны Фирлинг, известной под именем мамаша

Кураж, уводят в солдаты сына.

Тракт у городской заставы. Фельдфебель и вербовщик.

Оба продрогли.

Вербовщик. Ну, где тут войско наберешь? Удавиться впору, ей-богу! Белено к двенадцатому представить четыре эскадрона полного состава. Самого командующего приказ! Да ведь народ здесь до того лукавый, что я сна лишился. Уж без разбора берешь - и припадочных, и с цыплячьей грудью!.. Подцепил одного такого - ну, кажется, все чин чинком: подпоил его, он подписку дал, я за водку заплатил... а чую недоброе... До ветру выйдет, я и то за ним. Только отвернулся - хватить!.. Ушел мой рекрут, как вошь из-под ногтя! Ни чести, ни совести у людей не осталось, присяги не исполняют, бога не боятся! Я тут веру в человечество потерял!

Фельдфебель. Давно в этих краях войны не было, вот что я скажу. Оттого мораль в упадок пришла. Мир долго стоял - вот и распустились. Где ж порядку быть, коли войны нет?

В мирные времена народ что бурьян растет. Человек ли, скотина ли - только даром хлеб жрет! Да добро бы один хлеб, а то на хлеб сыру, да сверху сала кус! Взять хоть этот городишко: сколько в нем строевых коней, сколько рекрутов, небось и не считали никогда. Был я в такой стороне, где лет семьдесят войны не бывало, там ни у кого и фамилии не оказалось... Никто не знал, кто он такой есть! А где война - шалишь! Там, брат, всему свое место! На все реестр: сапоги - на склад, зерно - в провиантскую, люди по порядку номеров, скотина - на бойню, и пошел! Война порядок любит.

Вербовщик. Золотые слова!

Фельдфебель. Оно конечно, лиха беда начало. Пока война наладится попотеешь. Но уж зато потом все как по маслу пойдет. Сами будут бояться, как бы замирения не вышло. Это все одно как в карты: только сядь, а там уж тебя не оттащишь. Бросать боязно: расплачиваться неохота! А поначалу они, чудаки, войны боятся. Дело-то хорошее, а им, видишь, в диковинку!

Вербовщик. Фельдфебель, глянь, фургон! Две бабы... а двое, никак, парни! Ты заговори старухе зубы, пока я с парнем займусь. Уж если сейчас не выйдет, я греться пойду, чего зря мерзнуть на ветру!

Слышатся звуки губной гармоники. Появляется фургон, его тащат два молодых парня, в фургоне - мамаша Кураж и ее немая дочь Катрин.

Мамаша Кураж. Доброго здоровья, господин фельдфебель.

Фельдфебель (загораживает дорогу). Здорово, здорово! Вы что за народ?

Мамаша Кураж. Народ торговый. (Поет.)

Эй, командир, дай знак привала,

Своих солдат побереги!

Вот мой фургон. Пусть для начала

Пехота сменит сапоги.

И вшей кормить под гул орудий,

И жить, и превращаться в прах

Приятней людям, если люди

Хотя бы в новых сапогах.

Эй, христиане, тает лед!

Спят мертвецы в могильной мгле.

Вставайте! Всем пора в поход,

Кто жив и дышит на земле.

Без колбасы, вина и пива

Бойцы не больно хороши.

А накорми - забудут живо

Невзгоды тела и души.

Когда поест, попьет военный,

Ему не страшен злейший враг.

Какой дурак в огне геенны

Гореть захочет натошак!

Эй, христиане, тает лед!

Спят мертвецы в могильной мгле.

Вставайте! Всем пора в поход,

Кто жив и дышит на земле.

Фельдфебель. Стой, стой, обозные! Какого полка?

Старший сын. Второго финского.

Фельдфебель. Покажи бумаги!

Мамаша Кураж. Бумаги?

Младший сын. Да это ж мамаша Кураж!

Фельдфебель. Ничего не знаю! Какой там еще кураж?

Мамаша Кураж. Вам ли не знать, господин фельдфебель? Та самая мамаша Кураж, что

прямо под ядрами нашим на позиции хлеб привезла. Под Ригой. Не слышали разве? Поневоле будет кураж, как свое добро пропадает. Ведь пятьдесят хлебов в фургоне было, и все уже плесенью взялись!

Фельдфебель. Ты мне зубы не заговаривай, давай бумаги!

Мамаша Кураж (пошарив в жестяной банке, достает кучу бумаг и слезает с козел). Бумаги? Все тут, глядите! Целая Библия: это. - как огурцы солить, а это - ландкарта Моравии; даст бог, побываем там, а то на черта ее и возить. А тут, погляди, даже печать приложена, что у моей кобылы ящурка нет. Одно горе - и самой кобылы давно в помине нет. Верных пятнадцать гульденов стоила животиная, славу богу, хоть даром досталась. Бумаг хватает!

Фельдфебель. Ты хвостом-то не верти, не на такого напала! Предъяви патент!

Мамаша Кураж. Я с вами как с порядочным, а вы мне - "хвостом не верти"! Это при детях! Охальник какой! Ну, чего привязался? У меня на лице написано: я женщина честная - вот и весь патент! А коли вы читать не можете, не моя забота. Печать прикладывать вас никто не просит!

Вербовщик. Господин фельдфебель, особа эта, по моему разумению, ведет крамольные речи. В войске первое дело - дисциплина!

Мамаша Кураж. А я думала - колбаса.

Фельдфебель. Фамилия?

Мамаша Кураж. Анна Фирлинг.

Фельдфебель. Все, значит, Фирлинги?

Мамаша Кураж. Почему все? Меня пиши Фирлинг, а их не надо.

Фельдфебель. Ребята разве не твои?

Мамаша Кураж. Мои-то мои, а фамилии у них у всех свои! (Указывая на старшего сына.) Этот, к примеру, будет Эйлиф Мойоки, потому как отец его всегда мне говорил, его звать Нойоки, не то Койоки. Малый хорошо его помнит. Правда, он не того помнит, на кого он думает. Тот француз был, такой, с бородкой клинышком. Но умом парень - в отца. Тот ох и смекалистый был! На ходу подметки резал! Так что у нас у каждого фамилия своя.

Фельдфебель. Чего, чего? У каждого своя?

Мамаша Кураж. Да будет тебе прикидываться, не маленький ведь!

Фельдфебель (указывая на младшего сына). А-а! Значит, этот у тебя от китайца, так, что ли?

Мамаша Кураж. Не угадали: От швейцарца.

Фельдфебель. Это от француза, стало быть?

Мамаша Кураж. От какого еще француза? Откуда вы тут француза взяли? Вы уж меня не сбивайте, а то мы так до ночи не разберемся! Сказала, швейцарец он. Звать - Фейош, но не по отцу - того совсем по-другому звали. Хороший мастер был, крепости строил. Но - пропойца.

Швейцарец, улыбаясь во весь рот, кивает, и даже немая Катрин развеселилась.

Фельдфебель. Да почему же его Фейошем звать?

Мамаша Кураж. Не в обиду будь вам сказано, слабовато у вас котелок варит. Как его еще называть? Ведь когда я его носила, ко мне один мадьяр ходил. Тому уж все равно было, почки у него усохли, бывает же такая напасть, и ведь капли в рот не брал! Очень честный был человек. И парень весь в него вышел!

Фельдфебель. Да ведь он же не отец ему?

Мамаша Кураж. А вот вышел парень весь в него! Но кличу, я его все-таки Швейцарцем. Для памяти. Здоров фургон тащить. (Указывая на дочь.) Дочку звать Катрин Гаупт. По матери немка.

Фельдфебель. Семейка, нечего сказать!

Мамаша Кураж. Да, уж знают мою карету по всему белу свету!

Фельдфебель. Так и запишем. (Пишет.) Стало быть, ты из Бамберга, это в Баварии, как же ты сюда попала?

Мамаша Кураж. Я на месте не сижу. Где война - там и я.

Вербовщик. Вам бы лучше зваться Сивый да Буланный, раз в упряжке ходите. Распрягают вас когда или нет?

Эйлиф. Мамаша, дозвоьте, я ему в морду дам? Руки чешутся!

Мамаша Кураж. Я тебе! И думать не моги! Ну как, господа офицеры, не желаете ли хорошую пистоллю или португепю новенькую, ваша уж поистерлась, господин фельдфебель?

Фельдфебель. Не того я желаю. Молодцы у вас, как дубы: грудь колесом, в плечах кося сажень. Почему от службы увиливают, желаю я знать?

Мамаша Кураж (поспешно). Нет, нет, не выйдет, фельдфебель. Я своих детей в солдаты не пушу.

Вербовщик. А почему, дозвоьте спросить? Солдату - деньги, солдату честь! Барахлом торговать - разве это дело для мужчины? (Эйлифу.) Ну-ка, подойди! Дай руку пощупаю - мужчина ты или птенец желторотый?

Мамаша Кураж. Птенец он, совсем еще птенчик. Дунь на него - он и свалится.

Вербовщик. А свалится - теленка задавит. (Пытается увести Эйлифа.)

Мамаша Кураж. Отвяжись, сказано тебе! Не замай! Чего ты к нему пристал?

Вербовщик. Твой сын меня оскорбил, мордой обозвал. Мы сейчас с ним отойдем в сторонку и поговорим по душам.

Эйлиф. Мамаша, не беспокойтесь. Я его ублажу.

Мамаша Кураж. Никуда ты не пойдешь, паршивец! Знаю я тебя - только бы подраться! Головорез! Всегда нож за голенищем!

Вербовщик. Пойдем, сосунок! Покажи дяде, какой у тебя ножичек!

Мамаша Кураж. Господин фельдфебель, я полковнику пожалуюсь. Попадете за решетку - у моей дочери жених лейтенант.

Фельдфебель. Давайте по-хорошему, братцы! (Мамаше Кураж.) Чем тебе солдатская служба не по душе? И отец у него солдат был, честно голову сложил, сама же говорила.

Мамаша Кураж. Да ведь он дитя малое! А вы его на бойню погоните, знаю я вас! Вам бы лишь свои пять золотых получить за него!

Вербовщик. Сперва он получит шлем с шишаком, ботфорты - красота, верно?

Эйлиф. Только не от тебя!

Мамаша Кураж. Да, да, пойдем рыбку ловить, сказал рыбак червяку. (Швейцарцу.) Беги, кричи караул - брата родного в солдаты угоняют! (Выхватывает нож.) Попробуйте троньте его - кишки вам выпущу, окаянные! Дитятко мое родимое в солдаты забирают, душегубы! Мы честно торгуем: ветчина - первый сорт, белье - полотняное. Мы люди мирные!

Фельдфебель. Видать по твоему ножу, какие вы мирные! стыдно, старая карга, убери ты нож! Сама же говорила давеча, войной кормишься. На что без войны жить будешь? А без солдат - какая война?

Мамаша Кураж. Пусть другие в солдаты идут, а своих не пушу!

Фельдфебель. Ишь какая! Тебе, значит, сливки, а войне - опивки? Сама со своим выводком от войны жиреть будешь, а от тебя ей шиш? Ай-ай-ай, нехорошо, мамаша! Еще Кураж прозываешься! А войны боишься, своей кормилицы! Вот ребята твои не боятся, сразу видать!

Эйлиф. Я не боюсь.

Фельдфебель. Да чего и бояться? Погляди на меня. Не впрок, что ли, мне служба пошла? А ведь я с семнадцати лет на войне!

Мамаша Кураж. Доживи до семидесяти, а тогда хвастай!

Фельдфебель. Даст бог, дотяну.

Мамаша Кураж. На погосте.

Фельдфебель. Ты чего тут каркаешь? Испугать меня захотела?

Мамаша Кураж. Каркаю? Помянешь мое слово! Вижу - меченый ты! словно с того света на побывку пришел!

Швейцарец. Она у нас вещунья, все говорят. Она судьбу предсказывает.

Вербовщик. Ну что ж, поворожи господину фельдфебелю потехи ради!

Фельдфебель. Это все бабьи бредни.

Мамаша Кураж. Дай свой шлем!

Фельдфебель (снимает шлем). Ну-ну, ври, ври! Послушаем для потехи.

Мамаша Кураж (достает лист пергамента и разрывает его). Эйлиф, Швейцарец, Катрин, глядите: как этот листок, разорвет нас война в клочья, коли мы с ней не на шутку свяжемся. (Фельдфебелю.) С тебя, так и быть, денег не возьму. Черный крест - смерть. На одном клочке черный крест ставлю.

Швейцарец. А другой - пустой, примечай!

Мамаша Кураж. А теперь сложу... потрясу... перемешаю... Так и жизнь нас трясет и мешает, еще когда нас мать под сердцем носит... Ну, тяни - судьбу узнаешь.

Фельдфебель медлит.

Вербовщик (Эйлифу). Я ведь не всякого так уговариваю. Мало кого беру. Но ты мне понравился. Вижу - парень боевой.

Фельдфебель (тянет жребий). Ерунда это все, только голову морочите!

Швейцарец. Черный крест! Пропащее его дело!

Вербовщик. Не дрейфь, старина, не на каждого пуля отлита!

Фельдфебель (хрипло). Подвела ты меня!

Мамаша Кураж. Сам ты себя подвел в тот день, когда в солдаты записался. Ну ладно, поехали. Война ведь не век будет. Нечего золотое времечко терять.

Фельдфебель. Черт бы тебя побрал, мне ты голову не заморочишь. Пашенка твоего все равно заберем, быть ему солдатом!

Эйлиф. Мать, мне охота. Позвольте уж!

Мамаша Кураж. Заткнись ты, дьявол финский!

Эйлиф. Швейцарец вон тоже хочет в солдаты.

Мамаша Кураж. Что?? (Пауза.) Видно, не миновать. Всем троим сейчас судьбу скажу. (Уходит в глубь сцены и метит крестами листки.)

Вербовщик (Эйлифу). А что будто у нас в шведском войске всех молебствиями замучили - это одни наговоры. Наши враги эти слухи распускают. Поем псалмы только по воскресеньям, один стих, да и то - у кого голос есть.

Мамаша Кураж (возвращается и опускает жребии в шлем фельдфебеля). Так и норвят от матери сбежать, черти. Сахарная им, вишь, война! Вот сейчас судьба вам скажет. А то небось думаете, там райское житье, вас сразу в полковники произведут! Фельдфебель, я вам как родному скажу: негожи они для ратного дела, не будет из них толку! Зря только головы сложат. (Протягивает шлем Эйлифу.) На, тащи свой жребий!

Эйлиф вытаскивает клочок пергамента и разворачивает.

(Вырывает бумажку у него из рук.) Так и знала - крест. Несчастливая я мать! Зачем я его в муках на свет родила? Умрет! Погибнет во цвете лет! Пойдет в солдаты - не миновать ему братской могилы. Больно уж он отчаянный - весь в отца! Будь умником, а то не сносить тебе головы. Видишь - крест. (Строго.) Будешь умником?

Эйлиф. Буду, мама.

Мамаша Кураж. А умник тот, кто мать слушает! Ты не гляди, что они тебя желторотым дразнят, - ты знай свое, посмеивайся!

Вербовщик. Что, в штаны уже напустил? Видно, лучше твоего брата взять!

Мамаша Кураж. Я тебе что велела - смеяться. Смейся! Ну, теперь ты тащи, Швейцарец. За тебя я меньше боюсь, ты у меня честный.

Швейцарец тянет жребий.

Что это ты так на него уставился? Там ничего нет. Не может того быть, чтобы там крест стоял! Неужто я и тебя потеряю? (Берет из рук Швейцарца жребий.) Крест? И этому! За простоту за его? Швейцарец ты мой, тоже пропадешь, коли мать ослушаешься! Поступай всегда по-честному, как я тебя сызмальства учила: сдачу приноси, когда за хлебом посылаю.

Иначе нет тебе спасенья! Посмотрите, фельдфебель! Может, я обзналась? Есть тут черный крест?

Фельдфебель. Крест и есть. Не пойму, как я-то мог вытянуть. Я всегда позади держусь. (Вербовщику.) Нет, она не врет. И своим то же нагадала.

Швейцарец. И мне нагадала. Но я уж зарублю себе на носу!

Мамаша Кураж (Катрин). Ну, ты-то у меня не пропадешь - ты сама себе крест: сердце у тебя больно доброе. (Протягивает шлем Катрин, сидящей в фургоне, но сама вынимает ей жребий.) Господи, что ж это! Голова кругом идет! Не может того быть. Видно, я не так перемешала. Не будь ты такой доброй, Катрин! Зарекись! И на твоём пути крест. Смотри, будь ниже травы, тише воды. Тебе это легко-ты и так немая. Ну вот, теперь вы все судьбу знаете. Поняли теперь? Ухо остро держите! Поехали! (Возвращает фельдфебелю шлем и залезает в фургон.)

Вербовщик (фельдфебелю). Чего ж ты стоишь?

Фельдфебель. Мне что-то не по себе.

Вербовщик. Простыл, наверно. Снял шлем, а стоишь на ветру. Задержи ее, купи чего-нибудь! (Громко.) Ты бы поглядел у нее пряжки, фельдфебель. Поддержи коммерцию честным торговцам. Эй, вы! Фельдфебелю у вас пряжка приглянулась!

Мамаша Кураж. За полгульдена отдам. Настоящая ей цена - два гульдена. (Слезает с козел.)

Фельдфебель. Она ношенная. Дай-ка погляжу. Тут больно ветрено. (Отходит за фургон.)

Мамаша Кураж. Да нет, тут тихо!

Фельдфебель. Пожалуй, полгульдена можно дать. Серебряная.

Мамаша Кураж (идет к нему за фургон). Тут добрых шесть унций чистого серебра.

Вербовщик (Эйлифу). А мы с тобой пойдем пропустим по одной. Деньжонки есть, айда!

Эйлиф стоит в нерешительности.

Мамаша Кураж. По рукам? Полгульдена!

Фельдфебель. Никак не пойму. Всегда ведь позади держусь. Безопаснее места нет, чем фельдфебельское. Знай посылай других вперед славу добывать. Эх, обед мне испортили. Кусок в горло не полезет.

Мамаша Кураж. Что ж ты так близко к сердцу принимаешь? Уж и аппетит потерял! Ты свое дело помни, держись позади. На-ка вот, выпей, служивый! (Наливает ему водки.)

Вербовщик (уводит Эйлифа). Десять гульденов тебе на руки, ты герой, сражаешься за короля, от баб отбоя нет! А мне в любое время можешь дать по морде, коли я тебя обидел.

Оба уходят.

Немая Катрин, выскочив из фургона, глухо, протяжно мычит.

Мамаша Кураж. Сейчас, дочка, сейчас. Господин фельдфебель еще не заплатили. (Пробует монету на зуб.) Никаким деньгам нынче не верю. Я ученая! Нет, не фальшивая. Скорей, поехали! Где Эйлиф?

Швейцарец. Он с вербовщиком ушел.

Мамаша Кураж (после долгой паузы). Эх ты, простота! (Катрин.) Знаю, знаю, ты не виновата, ты говорить не можешь.

Фельдфебель. Выпей-ка сама, мать! Не помешает. Такая она, жизнь. В солдатах еще ничего. Ты: ведь сама войной кормишься, так уж в сторонке со. своими ребятами не отсидишься, верно?

Мамаша Кураж. Теперь придется тебе с братом; тащить, Катрин.

Брат и сестра впрягаются. Мамаша Кураж шагает рядом. Фургон трогается.

Фельдфебель (им вслед). Да, уж хочешь от войны хлеба - давай ей мяса.

II

Годы 1625-1626. Мамаша Кураж с обозом шведского войска попадает в Польшу. Осада крепости Вальгоф. Встреча с сыном. Удачная продажа каплуна. Великие подвиги отважного Эйлифа.

Палатка шведского военачальника. Рядом кухня. Слышна канонада. Мамаша Кураж торгуется с поваром-голландцем.

Повар. Шестьдесят геллеров за этот несчастный цыпленок?

Мамаша Кураж. Несчастный цыпленок? Да вы поглядите: одно сало! И за такой лакомый кусочек нашему обжоре командующему жалко шестьдесят геллеров? Вот попробуйте, оставьте его без обеда - он вам голову оторвет!

Повар. Таких я имею дюжину за десять геллеров, на любой угла.

Мамаша Кураж. Что-что? Такого каплуна "на любой угла"? Это в осаду-то, когда голод кругом, народ пухнет? Крысу, может, достанете. Может! Потому как всех крыс поели, целым полком весь день за одной крысой гоняются! За такого каплуна, да еще когда осада, всего пятьдесят геллеров, и это, по-вашему, дорого?

Повар. Не нас осаждают, а мы осаждают, глупый голова!

Мамаша Кураж. Осаждать осаждаем, а сами голодаем. Они себе в город всего натащили, как сыр в масле катаются, говорят. А у нас? Была я у мужиков - у них нет ничего.

Повар. Мужик все есть - мужик спрятал.

Мамаша Кураж (победоносно). Ничего у них нет. Разорение кругом. У них зубы на полке. Сама видела - траву едят, ремни варят - да еще потом пальчики облизывают. Вот оно как! А я вам каплуна предлагаю и всего за сорок геллеров.

Повар. Тридцать, не сорок. Я говорить тридцать.

Мамаша Кураж. Эх ты, ведь это не простой каплун. Он, говорят, и зернышка не брал, пока его любимый марш не сыграют. Он считать умел, такой дар был скоту от бога! А тебе сорок геллеров дорого! Смотри, хозяин тебе самому шею свернет, если его постыться заставишь!

Повар. Гляди, что я делал! (Достает кусок говядины и начинает резать.) Вот кусок говядина, я его жарил. Даю тебе одна минута на размышление.

Мамаша Кураж. Жарь, жарь, говядина-то - прошлогодняя.

Повар. Бычок вчера еще бегать, я сам видел.

Мамаша Кураж. Стало быть, он еще заживо протух.

Повар. Я варил пять часов, если надо. Я поглядеть, как он не разварился. (Режет мясо.)

Мамаша Кураж. Перцу сыпь побольше, чтобы твоему начальнику нос зажимать не пришлось.

В палатку входят военачальник, полковой священник и Эйлиф.

Военачальник (хлопая Эйлифа по плечу). Итак, сын мой, заходи, заходи к своему полководцу и садись от меня по правую руку. Ведь ты подвиг совершил, геройский подвиг во имя господне, в войне за веру. Это особенно достойно похвалы. Жди золотой нашивки, как только возьму город. Мы пришли спасти их души, а эти нечестивцы, это грязное мужичье, угоняют свою скотину у нас из-под носа! Для своих попов они ничего не жалеют. Но ты их проучил. Вот тебе полный кубок красного, пьем до дна!

Пьют.

А его преподобию - шиш. Он у нас святоша. Чего хочешь закусить, сынок?

Эйлиф. Кусочек мяса не плохо бы.

Военачальник. Повар! Жаркое!

Повар. Еще приводил с собой гостей, когда в доме хоть шар покатись!

Мамаша Кураж знаком просит повара замолчать. Она прислушивается к разговору в палатке.

Эйлиф. Мужиков трясти - проголодаешься!

Мамаша Кураж. Иисусе, это же мой Эйлиф!

Повар. Кто?

Мамаша Кураж. Мой старшенький. Два года я его в глаза не видала. Украли его у меня на дороге. Видно, в гору пошел, раз сам командующий на обед позвал. А что ты им подашь? Пустую тарелку? Ты слышал, чего гость требует, мяса. От души советую тебе, торопись, бери каплуна, пока не поздно. Гульден с тебя.

Военачальник (усаживается с гостями за стол и рывкает). Подавай обед, кухонная протобестия! А то я тебя самого зарежу!

Повар. Давай каплуна, черт тебя, вымогательша!

Мамаша Кураж. Неужто пригодился "несчастный цыпленок"?

Повар. Я несчастный - пятьдесят геллеров плачу! Ты бога не бояться!

Мамаша Кураж. Сказано - гульден! Родной сынок у самого командующего в гостях - уж тут я за ценой не постою!

Повар (отдает деньги). Хоть ущипни его, пока я разводил огонь.

Мамаша Кураж (усаживается и начинает ощипывать каплуна). Вот диву-то дастся, когда меня увидит. Старшенький у меня всем взял - и умом и смелостью. У меня еще один есть - тот простоват, зато честный. А от дочки толку никакого. Правда, хоть не болтлива, и на том спасибо.

Военачальник. Выпьем еще по одной, сын мой! Это мое любимое, фалернское! Одна бочка осталась, самое большее - две. Но я ничего не пожалею, лишь бы в моем воинстве жила истинная вера. А пастырь опять обличится: он только языком болтает, а вера без дел мертва есть, верно, поп? Ну-ка, Эйлиф, расскажи нам, как ты мужиков вокруг пальца обвел и взял в полон двадцать голов скота. Надеюсь, их скоро пригонят.

Эйлиф. Завтра, самое позднее - послезавтра.

Мамаша Кураж. Молодец сынок, сообразил. Хорошо, что скот только завтра пригонят, а то бы вы с моим каплуном, пожалуй, и разговоривать не стали.

Эйлиф. Дело так было. Докладывают мне, что мужики перегнали ночью скотину из потайного места поближе к городу, в рощицу. Оттуда городские должны были ее забрать. Ну что ж, думаю, мешать вам не стану. Вам ее легче найти! Ребята мои и так давно мяса не видали, а я им на два дня еще рацион урезал, чтобы у них слюнки текли, если кто мяукнет, не то что замычит.

Военачальник. Тактика правильная.

Эйлиф. Еще бы! Ну, остальное пустяки. Правда, у мужиков дубины здоровые были, и оказалось у них народу втрое больше, чем у нас. Они на нас нападение сделали. Меня четверо в кустах прижали, клинок из рук выбили, орут: "Сдавайся!" Что, думаю, делать? Того гляди, самого на котлеты порубят!

Военачальник. А ты?

Эйлиф. Рассмеялся.

Военачальник. Что, что?

Эйлиф. Засмеялся я. Ну, тут у нас и разговор пошел. Я давай торговаться. Говорю: двадцать гульденов за быка - это мне дорого. Даю по пятнадцати - вроде я собирался платить. Ну, они, конечно, - в затылке чесать. Я нагнулся, подхватил клинок и порубил их, всех четверых. Нужда свой закон пишет, верно?

Военачальник. Что на это скажет пастырь духовный?

Священник. Строго говоря, в писании такого текста нет, но господь наш умел сотворить из пяти хлебов пятьсот, ему и нужды не было. Потому и мог он требовать: любви ближнего своего. Ибо люди сыты были. Ныне не те времена.

Военачальник (хохочет). Совсем не те. Так и быть, теперь и ты глотни заслужил, фарисей! (Эйлифу.) Ты их, значит, порубил? Доброе дело, теперь будет чем моим молодцам подкрепиться! И в писании так сказано: что ты сделал меньшему из братьев моих, то ты мне сделал. А что ты им сделал? Ты им доброй говядинки на обед припас. Они у меня к заплесневелому хлебу не привыкли. Они, бывало, в шлем вина нальют, булки туда накрошат - перед тем как в бой за веру идти.

Эйлиф. Да, я нагнулся, подхватил клинок и порубил их, всех четверых!

Военачальник. В тебе сидит юный Цезарь! Ты достоин видеть короля.

Эйлиф. Я его видал, правда издали. От него прямо сияние шло! Эх, стать бы мне таким, как он!

Военачальник. Задатки у тебя есть. Доблестного воина я ценю. Твоя доблесть мне по

душе. Храбрый солдат для меня - сын родной. (Подводит Эйлифа к карте.) Ознакомься с обстановкой, Эйлиф. Видишь, есть где отличиться.

Мамаша Кураж (прислушиваясь к разговору в палатке, яростно ощипывает каплуна). Плохой, видать, командующий!

Повар. Обжорливый, а почему плохой?

Мамаша Кураж. Потому плохой, что ему храбрые солдаты нужны. Хорошему ему на что такие храбрые. У него план кампании хороший, он любыми обойдется. Уж я знаю, где заведут речь про доблесть всякую, там дело дрянь.

Повар. А я думал, это хороший дело.

Мамаша Кураж. Нет, дело дрянь. Возьми короля или там командира, какого бог умом обидел. Ведь он такую кашу заварит, что без доблести-геройства солдату не обойтись. Вот тебе одна доблесть! Возьми скрягу. Поскупится, мало солдат наберет, а потом требует, чтобы все были богатыри! Возьми опять же растяпу - уж у него солдат должен быть мудрее змея, а то живым ему не выбратся. Такому и верность от солдата требуется необыкновенная. Ему всего мало. Чужой доблестью все дырки затыкают! А в хорошей стороне, при хорошем короле да полководце все эти доблести ни к чему! Там доблести не надо, были бы люди как люди, лишь бы не совсем дураки, а меня спросить - хоть и трусоваты!

Военачальник. Готов биться об заклад - и отец твой был воином!

Эйлиф. Славный был вояка, говорят. Потому меня мать все и уговаривала: не ходи на войну! Я даже песню такую знаю.

Военачальник. Спой нам. (Рывкает.) Скоро там обед?

Эйлиф. Это песня про солдата и его жену. (Поет, исполняя воинственный танец с саблей.)

Одних убьет ружье, других проткнет копье.

А дно речное - чем не могила.

Опасен лед весной, останься со мной,

Солдату жена говорила.

Но гром барабана и грохот войны

Солдату милее, чем речи жены.

Походной понюхаем пыли!

Мы будем шагать за верстою версту,

Копье мы сумеем поймать на лету,

Солдаты в ответ говорили.

Дают совет благой - ты вникни, дорогой,

Не в удали, а в мудрости - сила.

На всех и вся плевать - добра не видать,

Солдату жена говорила.

Мы бабам не верим - трусливый народ.

Река на пути - перейдем ее вброд,

Мундиры отмоем от пыли.

Когда загорится над крышей звезда,

Твой муж возвратится к тебе навсегда,

Солдаты жене говорили.

Мамаша Кураж (в кухне подхватывает песню, отбивая ложкой такт по горшку).

Ах, подвиги его не греют никого,

От дел геройских - радости мало.

Растает как дымок, храни его бог,

Жена про солдата сказала.

Эйлиф. Кто это там?

Мамаша Кураж (продолжает петь).

В мундире, с копьем неразлучным в руке

Солдат угодил в быстрину на реке,

И льдины его подхватили.
Над самою крышей горела звезда,
Но что же, но что же, но что же тогда
Солдаты жене говорили?
Ах, подвиги его не грели никого,
И дно речное - та же могила.
На всех и вся плевать - добра не видать,
Солдату жена говорила.
Военачальник. Черт знает, что сегодня у меня на кухне творится!
Эйлиф (выходит на кухню, обнимает мать). Мама! Вот так встреча! А где все наши?
Мамаша Кураж. Все тут. Живем - не тужим. Швейцарца я пристроила, казначеем во
Второй полк. По крайности он-то в сражение не попадет. Дома так и не усидел.
Эйлиф. Как ноги твои?
Мамаша Кураж. По утрам башмаки еле натягиваю.
Военачальник (выйдя из палатки). Так ты его мать? Надеюсь, у тебя еще такие
молодцы для меня найдутся?
Эйлиф. Вот повезло-то мне, мама: ты тут сидишь и слышишь, как твоего сына
отличают!
Мамаша Кураж. Да, да, я все слышала. (Дает ему пощечину.)
Эйлиф (держась за щеку). Это за то, что быков угнал?
Мамаша Кураж. Нет, за то, что пардону не просил, когда из тебя четверо хотели
котлету сделать. Кого я учила: не лезь на рожон! Дьявол ты финский!
Военачальник и священник смеются.

III

Прошло еще три года. Мамаша Кураж с подразделением Финского полка попадает в
плен к католикам. Дочь и фургон ей удается спасти, но ее сын, честный
Швейцарец, погибает.
Бивак. После полудня. На шесте полковое знамя. Фургон увешан всяческими
товарами; между ним и большой пушкой натянута бельевая веревка. Мамаша Кураж
складывает на лафете белье. Катрин ей помогает. Одновременно мамаша Кураж
торгуется с каптенармусом. Тут же Швейцарец в мундире казначея.
Хорошенькая особа, Иветта Потье, перед которой стоит стакан водки, пришивает
ленты к своей пестрой шляпке. Иветта в одних чулках. Ее красные сапожки
стоят рядом.
Каптенармус. Я вам эти пули всего за два гульдена отдаю. Это - даром. Деньги до
зарезу нужны. Полковник с офицерами третий день пьют без просыпу, все дочиста у меня
вылакали.
Мамаша Кураж. Это казенное имущество. Попадусь я с ним - не миновать полевого
суда. Разбазариваете, ироды, пули, а солдатам нечем по неприятелю стрелять.
Каптенармус. Ну, ну, будет вам. Мы же люди свои.
Мамаша Кураж. Казенного имущества не беру. Тем более по такой цене!
Каптенармус. Вы их сегодня же сбудете каптенармусу Четвертого полка за пять
гульденов, а то и за восемь. Только дайте ему расписку на двенадцать. У него все припасы
вышли.
Мамаша Кураж. А что же вы сами к нему не идете?
Каптенармус. Я ему не верю, мы старые друзья!
Мамаша Кураж (берет мешок с пулями). Ладйю, давай сюда! (Катрин.) Отнеси и
заплати ему полтора гульдена.
Каптенармус пытается протестовать.
Я сказала - полтора гульдена.
Катрин утаскивает мешок. Каптенармус идет за ней.
(Швейцарцу.) Вот тебе твои исподники, схорони! Октябрь на дворе. Того и гляди,

зима нагрянет. Может быть. Слышишь, как я говорю: может быть. Потому - я ученая, знаю, никогда нельзя наперед загадывать. Ждешь лета, а глянь - на дворе осень. Но в ларце с казной у тебя должен порядок быть, хоть трава не расти! Деньги все целы?

Швейцарец. Да, мама.

Мамаша Кураж. Не забывай: они тебя потому и казначеем поставили, что ты парень честный. Не такой отчаянный, как твой брат. Простота твоя всего им дороже. Тебе и в голову не придет с казной смыться. Не такой ты. Ну, за тебя я спокойна. Только исподники не засунь куда-нибудь, потом не найдешь.

Швейцарец. Нет, мама. Я их под тюфяк. (Хочет идти.)

Каптенармус. Мне по пути, казначею.

Мамаша Кураж. Только вы мне парня с пути не сбивайте!

Каптенармус уходит не прощаясь.

Иветта (делает ему ручкой). Мог бы попрощаться, каптенармус!

Мамаша Кураж (Иветте). Не люблю я, когда они вместе. Неподходящая это компания для моего Швейцарца... Да, а война как будто наладилась. Пятьшесть лет протянется, как пить дать, пока все царства передерутся. Голова на плечах есть, на рожон я, слава богу, не лезу, и дела идут - грех жаловаться. А ты, видно, забыла, что с твоей болезнью нельзя натошак водку пить?

Иветта. Кто говорит, что я больна? Это ложь!

Мамаша Кураж. Все говорят.

Иветта. Все они врут. Мамаша Кураж, я прямо в отчаянии: из-за этой клеветы все мною брезгают, как тухлой рыбой! И на что мне эта шляпка! (Швыряет шляпку на землю.) Вот и стала пить с утра. Никогда я себе этого не позволяла, от этого только морщины пойдут, но теперь уж все равно. На весь Второй финский меня ославили. Лучше уж мне было дома остаться, когда этот негодяй меня обесчестил. Гордость - не для нашей сестры. Привыкай дерьмо жрать, а то еще хуже будет!

Мамаша Кураж. Только ты тут не заводи опять про своего Питера и как все оно вышло. Постыдись! У меня дочь - девица!

Иветта. Ей как раз и надо послушать, чтоб она любви остерегалась.

Мамаша Кураж. От нее не устережешься. Иветта. Все равно расскажу. Хоть душу отведу! Выросла я в цветущей Фландрии, там я и встретила с ним, с моим погубителем. Из-за него и попала я сюда, в Польшу. Был он военный, поваром служил... Блондин... Из голландцев, но не думай - худой и стройный. Да, Катрин, худые - самые опасные. Только я тогда еще этого не знала, и не знала я, что у него другая была. Ему и прозвище такое дали - "Питер с трубочкой", потому что он даже трубку изо рта не вынимал... Понимаешь, когда? (Поет "Песню о братании".)

Семнадцать лет мне было,
Наш город пал весной.
Вполне миролюбиво
Противник вел себя со мной.
На утренней заре
Полк строился в каре,
И трепетало все кругом.
А с наступленьем темноты
В лесу, где травка и кусты,
Братались мы с врагом.
Моим врагом был повар,
Но вот в чем вся беда:
Он был мне ненавистен
Лишь днем, а ночью - никогда.
Ведь утром, на заре
Полк строился в каре,

И трепетало все кругом.
А с наступленьем темноты
В лесу, где травка и кусты,
Братались мы с врагом.
Сильней людских законов
Любви святая власть.
Внушал мне неприятель,
Увы, не ненависть, а страсть.
Однажды на заре
В холодном октябре
Все полетело кувырком.
Прощай любовь, прощай покой!
С полком уходит милый мой.
Расстались мы с врагом.

И за ним-то я, дура, увязалась! Но так ни разу его и не встретила за все пять лет.
(Пошатываясь, идет за фургон.)

Мамаша Кураж. Ты шляпку свою позабыла.

Иветта. Пусть берет ее кто хочет.

Мамаша Кураж. Вот тебе наука, Катрин. Смотри у меня, никогда с солдатами не связывайся! Любовь - это божье попущение, я тебе говорю. Да и с цивильными и то любовь не мед. Он тебе будет петь: готов, мол, землю целовать, по которой твои ноги ступали, - ты их, кстати, мыла вчера? А потом и начнет тебя тиранить! Радуйся, что ты немая! Уж тебя никогда на слове не поймают, никогда не захочешь себе язык прикусить, потому что правду ненароком сболтнула. Это тебе дар божий - немота... А вон повар господина командующего идет. Чего это ему понадобилось?

Входят повар и священник.

Священник. Я принес вам весть от вашего сына Эйлифа. Повар пожелал мне сопутствовать. Вы на него произвели сильное впечатление.

Повар. Я просто пройтись, подышать свежий воздух.

Мамаша Кураж. Пожалуйста, любое время, если будете себя прилично вести. Да если и не будете - я с вами управлюсь. А чего Эйлифу надо? У меня лишних денег нет.

Священник. Собственно говоря, у меня было поручение к его брату, к господину казначею.

Мамаша Кураж. Его тут не было, нет и не будет. Он казначей, да не брату своему. Нечего его подбивать на такие дела. Ишь умник! (Достаёт деньги из котомки.) Передайте уж ему. Материнское сердце - не камень. А ему скажите грех. Постыдился бы у родной матери деньги цыганить.

Повар. Недолгое время и он со своим полком выступать навстречу смерти. Вам следует добавлять. Ведь потом вы жалеете. Вы, женщины, всегда так, иметь жестокое сердце, а потом жалеть. Не дать стаканчик вино, такой пустяки, а ведь потом иной раз человек лежит под зеленой травой и никто не может вам его выкопать.

Священник. Что это вы так расчувствовались, повар? Сложить голову на поле брани - это блаженство, а не причина для скорби. Ибо ныне - война за веру. Не обычная это война, а священная и потому угодная богу.

Повар. Это правильно. Это есть война, где немножко грабеж, немножко резня, немножко поджигательство и, не забыть бы, немножко изнасилие. Но этот война непохож на все остальные, потому что он есть война за веру. Это ясно. Но и на этот война хочется выпить. Думаю, и вы согласитесь?

Священник (мамаше Кураж, указывая на повара). Я пытался его удержать, но он клянется, что вы его покорили, что он бредит вами.

Повар (закуривая коротенькую трубочку). Из прекрасных рук стакан вина, больше ничего худого! Но я уже поплатиться. Вся дорога его преподобие делал такие шутки, что я

до сих пор красный.

Мамаша Кураж. Ай-ай-ай! А еще духовное лицо! Придется вам налить, а то вы, скуки ради, пожалуй, соблазнять меня начнете.

Священник. Соблазн велик, как говаривал придворный священник, поддаваясь соблазну. (Замечает Катрин.) А кто эта привлекательная особа?

Мамаша Кураж. Эта особа не привлекательная, а порядочная.

Священник и повар уходят с мамашей Кураж за фургон. Катрин смотрит им вслед, потом, оставив белье, поднимает шляпку Иветты. Потом садится и примеряет красные сапожки и шляпку. Слышно, как мамаша Кураж, повар и священник

беседуют о политике.

Мамаша Кураж. Этим бы полякам сидеть тут в Польше тихо и не рыпаться! Ну, пускай наш король к ним со своим войском пришел, так им бы тут мир и сохранять, а они ни с того ни с сего на нашего короля войной пошли! В свое дело ввязались! Он это тихо-мирно с артиллерией и кавалерией по Польше проходил, а они на него! Стало быть, они сами мир нарушили. Вся кровь на их головы падет!

Священник. В помыслах нашего доброго короля одно: народам даровать свободу. Император всех поработил: и поляков, и немцев. Король должен был их освободить.

Повар. Вот-вот, и я говорю: ваш лицо меня не обманул- водка у вас превосходный! А насчет король - этот свобода, который он хотел дарить Германии, обошелся ему недешево. Он даже вводил новый налог на соль в Швеции. Это бедным людям, конечно, обошлось недешево. А потом ему пришлось хватать и четвертовать немцев, потому что они держатся за свой угнетатель император. А король, вот именно, шутить не любит, когда кто-нибудь не хочет быть свободен! Или взять поляки. Ведь он сперва только хотел защитить их от злой человек, особенно от император. Но аппетит приходит во время еда, и король защитил вся Германия. А она крепко воспротивилась. И вот добрый король имел за своя доброта и издержки - один досада! Ну, издержкипустяки, сделали новый налог! Но, увы, это произвело возмущение. Слава богу, что король не обращал внимания: ведь на его сторона был религия! Да, это слава богу! А то бы злой язык мог сказать: король своя выгода ищет, ради себя старался. А так у него совесть всегда чистый. Это ему главное.

Мамаша Кураж. Видать, что вы не швед, а то не стали бы так говорить о славном короле.

Священник. Не мешало бы вам помнить, что вы едите его хлеб.

Повар. Я не есть его хлеб. Я печь ему хлеб.

Мамаша Кураж. Короля не победить! А почему - потому солдаты верят в него. (Серьезно.) Послушать больших господ - они вроде ведут войну за веру, правду и другие распрекрасные вещи. А как приглядишься, видать: не такие они дураки, воюют-то ради барыша. И мы, маленькие люди, без корысти воевать не пошли бы.

Повар. Так оно есть.

Священник. Вам, голландцу, не мешало бы взглянуть на это знамя, прежде чем высказывать подобные мнения, в особенности здесь, в Польше.

Мамаша Кураж. Ну-ну-ну! Тут все добрые лютеране. Будем здоровы!

Катрин, надев шляпку и сапожки, прохаживается, подражая Иветте. Внезапно слышится стрельба, барабанный бой. Мамаша Кураж, священник и повар выбегают из-за фургона, последние - со стаканами в руках. Каптенармус и

бомбардир подбегают к пушке и пробуют откатить ее.

Мамаша Кураж. Что там стряслось? Дайте мне сперва белье убрать, безобразники! (Хватает белье.)

Каптенармус. Нападение! Католики! Пожалуй, нам не уйти! (Бомбардиру.) Спасай бомбарду! (Убегает.)

Повар. Праведный боже, мне надо к мой начальник! Фрау Кураж, я на днях заглянуть, немножко побеседовать. (Удирает.)

Мамаша Кураж. Пойдите, трубочку забыли!

Повар (издали). Поберегите его, он мне нужен!

Мамаша Кураж. И надо ж! Как раз торговля хорошо пошла!

Священник. Да, так и я тоже удалюсь. Правда, если неприятель столь близко, бегство может быть опасно. Блаженны миротворцы - истинное слово на войне!.. Если бы плащ какой-нибудь...

Мамаша Кураж. Я не могу раздавать плащи напрокат, ни под каким видом. Я уже наплакалась!

Священник. Для меня опасность особенно велика, ибо облачение выдаст католикам мою веру.

Мамаша Кураж (достаёт ему плащ). С кровью от сердца отрываю, нате, бегите уж скорей.

Священник. Премного благодарен. Это очень великодушно с вашей стороны. Но, может быть, лучше я немного побуду здесь. Если меня увидят бегущим, это может возбудить подозрение.

Мамаша Кураж (бомбардиру). Да брось ты Пушку, дурачина. Кто тебе заплатит? Оставь лучше мне, а то головы лишишься!

Бомбардир (убегая). Вы свидетели, я старался как мог.

Мамаша Кураж. Хоть присягну. (Замечает на дочери шляпку Иветты.) Это что такое? Ты напялила шляпку этой потаскухи! Брось ее сейчас же! Ты что, спятила? Сейчас супостаты придут! (Срывает с Катрин шляпку.) Они из тебя шлюху сделают! И сапожки тоже. Блудница ты вавилонская! Живо разувайся! (Пытается снять с нее сапожки.) Иисусе, помогите мне, ваше преподобие! Пусть снимет сапоги, я сейчас приду. (Бежит к фургону.)

Иветта (пудрясь на ходу). Что вы говорите, католики пришли? Где моя шляпка? Кто на нее наступил? Не могу же я перед чужими людьми появиться в таком виде! Что обо мне подумают? И зеркальца, как на грех, нет! (Священнику.) Я пудры не переложила?

Священник. Нет, нет, в самую меру.

Иветта. А где мои красные сапожки?

Катрин прикрывает юбкой ноги.

Я же их тут оставила. Теперь я должна идти в свою палатку босиком. Стыд и срам! (Уходит.)

Вбегает Швейцарец, в руках у него полковой ларец.

Мамаша Кураж (с горстью золы. Катрин). Вот зола. (Швейцарцу.) Чего ты притащил?

Швейцарец. Полковую казну.

Мамаша Кураж. Брось сейчас же! Отказничествовал!

Швейцарец. Мама, я же за нее отвечаю! (Уходит за фургон.)

Мамаша Кураж. Сними ты свою хламиду, ваше преподобие, а то узнают тебя, и плащ не поможет. (Мажет Катрин лицо золой.) Не вертись! Так, маленько грязи, и враг тебе не страшен. Вот напасть! Говорят, караульные перепились. Держи свой светильник под спудом. Покажи солдату, особенно католику, беленькое личико, вот тебе и потаскуха готова. По неделям постятся, а потом как награбят, нажрут и накидываются на баб. Ну, так сойдет. Дай-ка я на тебя погляжу! Неплохо! Словно в навозе рылась. Никто тебя не тронет. (Швейцарцу.) Куда ларец дел?

Швейцарец (появляясь). Я надумал в фургон положить, мама.

Мамаша Кураж (в ужасе). Это в мой фургон? Дурак ты, богом обиженный! Ни на минуту отвернуться нельзя. Они же нас всех троих повесят.

Швейцарец. Тогда я его где-нибудь еще спрячу или убегу с ним.

Мамаша Кураж. Сиди уж. Поздно теперь.

Священник (переодеваясь на ходу). Ради всего святого! Знамя!

Мамаша Кураж (снимает полковое знамя). Батюшки, я-то его и не вижу. Пригляделась - двадцать пять лет с собой таскаю.

Канонада усиливается.

Три дня спустя. Утро. Пушки уже нет. Мамаша Кураж, Катрин, священник и

Швейцарец сидят за едой, озабоченные.

Швейцарец. Вот уж третий день я тут зря околачиваюсь. А господин фельдфебель - они всегда так обо мне заботились - сейчас, наверно, себя спрашивают: где же наш Швейцарец с солдатскими деньгами?

Мамаша Кураж. Ты бы радовался, что они на твой след не напали.

Священник. Что мне сказать? Я ведь тоже уклоняюсь от служения господе, страшась злой участи. Сказано, от избытка сердца глаголят уста. Но горе мне, если уста мои возглаголят.

Мамаша Кураж. То-то оно и есть. Сидят у меня на шее: один со своей верой, другой - с казной. Уж и не знаю, что хуже.

Священник. Поистине, мы ныне в руке божией.

Мамаша Кураж. Ну, ну, может, дело наше еще и не так плохо, но одно верно - с этих пор я сон потеряла. Кабы не ты, Швейцарец, легче бы мне было. Сама-то я с ними поладила. Я, мол, всегда против шведа была, антихриста этого. У него, мол, рога, сама видела, у левого рога кончик отбитый. Они меня допрашивать, а я им: где у вас церковных свечей достать, коли недорого? Я все ихние повадки знаю, потому как отец Швейцарца сам католик был, всегда, бывало, над ихней церковной канителью смеялся. Может, они мне и не совсем поверили, но им как раз в полку маркитантка требуется - придираться не стали. Может, все еще добром обернется. Попались в полон, как мышь в амбар.

Священник. Молоко - хорошее. Маловато, конечно... Что ж, придется умерить наши шведские аппетиты - ведь мы потерпели поражение...

Мамаша Кураж. Кто потерпел поражение - еще разобраться надо. Иной раз у больших господ победа и одоление, а нам это боком выходит. А иной раз им по шее надают, а нам прибыль. Не раз так было: для них поражение, а нашему брату - чистый барыш. Кроме чести, ничего не потеряно. Помню, в Лифляндии нашему полководцу неприятель так бока наломал, что мне в суматохе из обоза кобыла досталась. Семь месяцев она у меня в фургоне ходила, потом они опять победили и ревизия пришла. По правде сказать, нам, мелкоте, от ихних побед и поражений - одни убытки! Самое разлюбозное дело для нас, когда у них в политике застой. (Швейцарцу.) Ешь!

Швейцарец. Кусок в горло не идет, мама. Как же господин фельдфебель жалованье солдатам платить будут?

Мамаша Кураж. Когда войско бежит, жалованья не платят.

Швейцарец. Ну как же, им положено! Без жалованья они и бежать не обязаны, могут с места не двигаться.

Мамаша Кураж. Слушай ты, сыр швейцарский, уж больно ты честен, прямо страх берет! Я тебя сама учила: надо быть честным, раз уж бог ума не дал, но на все мера есть. Я сейчас пойду с его преподобием, куплю знамя католическое и мяса тоже. Никто, как он, мяса не выберет, хоть глаза ему завяжи. Я думаю, он как к хорошему куску подойдет, у него слюнки текут, вот и угадывает. Слава богу, они мне торговать разрешили. Да и то сказать, торговца не о вере спрашивают, а о цене. Лютеранские портки тоже греют.

Священник. Один нищий монах сказал, когда его пугали, что при лютеранах все вверх дном перевернется: "Не беда, нищие всегда будут нужны!"

Мамаша Кураж залезает в фургон.

Ларец, ларец - вот что ее тревожит. До сих пор мы не возбудили ничьих подозрений, но надолго ли?

Швейцарец. Я могу его унести.

Священник. Это, пожалуй, еще опаснее. Вдруг тебя увидят? У них шпионы повсюду. Вчера утром я вышел по нужде, и вдруг передо мной появляется из канавы некто. Я - в ужасе. Благодарение господе, я сумел удержать на устах молитву. Мог сам себя предать в их руки. Поистине, они рады дерьмо нюхать, не лютеранское ли? Шпион был маленький уродец с повязкой на глазу.

Мамаша Кураж (вылезая из фургона). Что я здесь нашла, бесстыдница ты этакая? (С

торжеством показывает красные сапожки.) Сапожки Иветты! Стащила и виду не подает! Все потому, что ей наговорили, будто она привлекательная особа. (Кладет сапожки в корзину.) Я их верну хозяйке!.. Украсть у Иветты сапожки! Она-то себя губит за деньги, это я понимаю. А ты рада за так, для удовольствия! Сколько раз я тебе говорила: подожди, пока мирное время настанет, не смей с солдатней путаться! Дождись мира, тогда и будешь любезничать.

Священник. Я не нахожу ее особенно любезной.

Мамаша Кураж. А я вот нашла! Я хочу, чтобы люди про нее одно говорили: убогой-то никогда не видать и не слышать! По крайней мере цела будет. (Швейцарцу.) А ты оставь ларец, где он есть, слышал? И смотри за своей сестрой, за ней глаз да глаз нужен! В могилу вы меня сведете! Легче корзину блох устеречь, чем вас! (Уходит со священником.)

Катрин убирает посуду.

Швейцарец. Последние деньки можно так посидеть на солнышке, в одной рубашке.

Катрин показывает на дерево.

Да, листья уже пожелтели.

Катрин спрашивает его знаками, не хочет ли он выпить.

Швейцарец. Нет, я пить не стану, мне подумать надо. (Пауза.) Мать говорит, она ночей не спит. Надо бы мне все-таки припрятать этот ларец. Выискал я надежное местечко. Принеси мне, так и быть, стаканчик!

Катрин уходит за фургон.

Положу его в барсучью пору у реки, а потом заберу. Завтра же на рассвете заберу - и доставлю в полк. Далеко ли они за эти три дня ушли!.. А уж господин фельдфебель так и ахнут. Ай да Швейцарец! - скажут они. Вот это порадовал. Не зря я на тебя надеялся. Я тебе доверил казну - ты мне ее принес.

Когда Катрин вновь выходит из-за фургона, перед ней появляются двое мужчин. Один из них в фельдфебельском мундире, второй - одноглазый с повязкой снимает шляпу и вежливо кланяется.

Одноглазый. Бог помочь, милая барышня. Не видали ли вы здесь одного молодого человека из штаба Второго финского.

Катрин, перепуганная, бежит к брату, расплескивая вино. Мужчины переглядываются и, заметив сидящего в задумчивости Швейцарца, скрываются.

Швейцарец (вздрагивает). Эх ты, половину расплескала! Да чего ты рожи-то строишь? Тебе что-нибудь в глаз попало? Ничего не понимаю. А я вот что надумал. Надо мне уходить. Это лучше всего будет. (Встает.)

Катрин всеми способами пытается предупредить его об опасности.

(Только отмахивается.) Ну ладно уж, пролила водку, не велика беда. Не последний стакан на моем веку. Ну чего ты, чего ты? Да знаю, знаю, добра желаешь, только сказать не можешь. Бессловесная ты, бедняжка! (Достает из фургона ларец и прячет его за пазухой.) Сейчас приду. Да не держи ты меня, а то разозлюсь. Да знаю я, что любишь! Эх, кабы ты могла говорить!

Катрин пытается удержать его, он целует ее, высвобождается и уходит. Катрин в отчаянии мечется по сцене, тихо стонет. Возвращаются священник и мамаша

Кураж. Катрин бросается к матери.

Мамаша Кураж. Что такое? Что тут? На тебе лица нет! Обидел тебя кто-нибудь? А где Швейцарец? Расскажи все по порядку, Катрин! Мать тебя поймет. Что? Этот прохвост, Швейцарец, забрал шкатулку? Ох, и задам я ему, неслуху эдакому! Успокойся, не мычи! Покажи руками! Терпеть я не могу, когда ты скулишь, как щенок! Что о тебе подумает его преподобие? Ты его еще напугаешь. Одноглазый, говоришь, был?

Священник. Одноглазый? Это же шпион! Они схватили Швейцарца?

Катрин качает головой и пожимает плечами.

Мы погибли!

Мамаша Кураж достает из корзины католическое знамя; священник прикрепляет его к шесту.

Мамаша Кураж. Подымите новый флаг!

Священник (с горечью). Отныне здесь все добрые католики.

За сценой слышны голоса.

Двое мужчин вводят Швейцарца.

Швейцарец. Отпустите меня, у меня ничего нет. Вы мне плечо свихнете. Я ни в чем не виноват!

Фельдфебель. Это ваш парень? Вы его знаете?

Мамаша Кураж. Мы? Откуда?

Швейцарец. Я их не знаю. Откуда мне знать, кто они такие? Я сюда зашел пообедать. Десять геллеров заплатил. Может, вы меня тогда и видели, когда я тут ел. Пересолено все было.

Фельдфебель. Кто вы такие? А?

Мамаша Кураж. Мы люди честные. Он правду говорит - он здесь обедал. Пересолено ему показалось.

Фельдфебель. Стало быть, притворяетесь, вроде вы его не знаете?

Мамаша Кураж. Откуда мне его знать? Мало ли здесь народу таскается. Что ж мне, каждого спрашивать, как его зовут, нехристь он или нет? Раз платит, значит, нехристь. Ты - нехристь?

Швейцарец. Что вы!

Священник. Он вел себя здесь вполне прилично. Рта не открывал. Разве когда ложку в рот брал, но уж без этого никак нельзя.

Фельдфебель. А ты кто?

Мамаша Кураж. Прислуживает у меня, вино гостям подает. Вам, наверно, пить хочется? Набегались небось по жаре, запарились. Сейчас налью по стаканчику.

Фельдфебель. На службе пить не положено! (Швейцарцу.) Ты что-то отсюда унес и спрятал на берегу. Когда ты уходил, у тебя куртка на груди топырилась.

Мамаша Кураж. Может, это не тот был?

Швейцарец. Ошиблись вы, наверно. Я видел - тут один бежал, у него куртка топырилась. Вы меня не за того приняли.

Мамаша Кураж. Мне тоже думается, ошибка вышла. С кем этого не бывает? Я-то в людях разбираюсь, я ведь мамаша Кураж, небось слышали? Меня все знают. Я вам говорю: он малый честный.

Фельдфебель. Мы разыскиваем полковую казну Второго финского. Известны все приметы того, кто ее скрывает. Мы его третий день ищем. Это ты.

Швейцарец. Это не я.

Фельдфебель. Если ты нам не отдашь казну, тебе крышка. Так и знай! Где она?

Мамаша Кураж (многозначительно). Он бы отдал ее, конечно, раз ему иначе крышка. Сразу бы сказал. Мол, берите, она там-то и там-то. Ваша власть. Не такой же он дурень. Говори ты, дурья голова! Господин фельдфебель тебя спасти хочет!

Швейцарец. Да когда ее у меня нет.

Фельдфебель. Тогда пошли! Там у тебя язык развяжется!

Швейцарца уводят.

Мамаша Кураж (кричит вслед). Да он бы сказал! Не такой же он дурак. Руку ему не вывихните! (Бежит за ними.)

Тот же вечер. Священник и немая Катрин моют посуду и чистят ножи.

Священник. В истории религии тоже бывали случаи, что люди попадались. Вспомним хотя бы, что претерпел наш спаситель Иисус Христос. Есть старая песня о страстях господних. (Поет.)

Как убийца и подлец,

Наш господь когда-то

Приведен был во дворец

Понтия Пилата.

Что Иисус не лиходей,
Не мастак на плутни,
Было ясного ясней
К часу пополудни.
Понтий, хитрая лиса,
Не нарушил правил,
Он Иисуса в три часа
К Ироду отправил.
Божий сын побит плетьюми,
В кровь исполосован,
Бессердечными людьми
Наш господь оплеван.
Он шагает тяжело
С ношею суровой,
И усталое чело
Жжет венец терновый.
В шесть он распят на кресте
Под насмешки черни.
Вся одежда на Христе
Лишь венок из терний.
Для потехи смочен рот
Уксусом и желчью.
Дотемна резвился сброд,
Все сносил он молча.
В девять умер сын твой, бог,
Застонав от боли,
И копьем Иисусу бок
Люди прокололи.
Скалы громом сметены,
Вместо тверди - бездна,
И врата отворены
В царствие небесно.
А из раны - кровь с водой...
Да и как не течь им?
Вот что сделал род людской
С сыном человечьим.

Мамаша Кураж (вбегает, взволнованная). Швейцарцу это может стоить головы. Но с фельдфебелем можно будет договориться. Только ни за что нельзя выдавать, что Швейцарец наш, а то мы выйдем пособниками. Тут все деньги решают. Но где их взять? Иветта не заходила? Я ее встретила по дороге. Она уж подцепила какого-то полковника. Может, он купит ей маркитантский патент.

Священник. Вы действительно думаете продать дело?

Мамаша Кураж. А откуда мне взять деньги для фельдфебеля?

Священник. А на что жить будете?

Мамаша Кураж. То-то и оно.

Иветта Потье входит с престарелым полковником.

Иветта (обнимает мамашу Кураж). Дорогая! Подумать только, как скоро нам пришлось свидеться! (Шепотом.) Он не против. (Громко.) Это мой большой друг. Он так добр, я с ним советуюсь обо все делах. Я случайно узнала, что у вас какие-то затруднения, вы хотите продать свой фургон? Я могла бы заинтересоваться.

Мамаша Кураж. Заложить, а не продать. Зачем спешить? Такой фургон в военное время не купишь.

Иветта (разочарованно). Только заложить? А я думала, вы продаете. Не знаю, подойдет ли это мне. (Полковнику.) Как ты думаешь?

Полковник. Совершенно с тобой согласен, душенька.

Мамаша Кураж. Только в залог отдам.

Иветта. Я думала, вам нужны деньги.

Мамаша Кураж (твердо). Деньги мне нужны до зарезу, но уж лучше я всех обегу, ног своих не пожалею, и найду кому заложить. Легко сказать: "Продай". Фургон нас кормит. А для тебя случай хороший, Иветта, дело выгодное. Не упускай. Кто знает, когда тебе снова такой хороший друг-советчик подвернется...

Иветта. Да, мой друг считает, что стоит, но я не знаю... Раз только в залог... Ты ведь тоже говорил, мы должны сразу купить?

Полковник. Да, да, душенька, так я и говорил.

Мамаша Кураж. Ну, тогда ищи себе, где есть продажный, может, и найдешь что, коли друг твой с тобой погуляет, скажем, неделку-другую.

Иветта. Ну что ж! Мы можем поискать, я люблю ходить приценяться. Нам ведь с тобой приятно гулять, Польди, это одно удовольствие, правда? Две недели тебя не испугают, верно? А если вам ссудить денег, когда вы отдадите?

Мамаша Кураж. Через две недели верну. Может, даже через неделю.

Иветта. Не знаю, на что решиться, Польди, cheri, посоветуй мне! (Отводит полковника в сторону.) Я уверена, она потом продаст, не беспокойся. Кстати, прапорщик тот, блондин, знаешь, предлагал мне одолжить денег. Он так в меня втрескался! Он говорит, я ему кого-то напоминаю. Что ты мне посоветуешь?

Полковник. Берегись его. Это опасный человек! Он от тебя бог знает чего потребует! Я же сказал, куплю, верно, мышка?

Иветта. О, я не могу принять от тебя такой подарок! Но правда, если ты думаешь, что прапорщик может от меня чего-то потребовать... Польди! Я готова принять это от тебя.

Полковник. Вот и прекрасно.

Иветта. А ты советуешь?

Полковник. Всенепременно.

Иветта (возвращается к мамаше Кураж). Мой друг советует мне согласиться. Напишите расписку и не забудьте указать, что через две недели фургон мой и все, что в нем есть, тоже мое! Мы сейчас все проверим. Двести гульденов я принесу потом. (Полковнику.) Тогда иди в лагерь скорей, а мне надо все пересмотреть в моем фургоне, как бы что не пропало... (Целует полковника.)

Полковник уходит.

(Забирается в фургон.) Что-то сапог очень мало.

Мамаша Кураж. Иветта, сейчас не время проверять твой фургон... если уж он твой. Ты мне обещала поговорить с фельдфебелем насчет моего Швейцарца. Я слыхала, через час суд.

Иветта. Я только полотняные сорочки пересчитаю.

М.а маша Кураж (стаскивает ее за юбку). У меня сын может погибнуть. Гиена ты или человек?! И ни звука о том, кто выкуп предлагает. Сделай вид, будто это твой нареченный. А то нам всем крышка - скажут, мы сообщники.

Иветта. Я назначила Одноглазому свидание в роще, он, наверно, уже там.

Священник. И боже упаси сразу предлагать все двести. Дай сто пятьдесят, этого хватит с избытком.

Мамаша Кураж. Ваши это деньги, что ли? Не лезьте не в свое дело! Похлебки на вас хватит, не беспокойтесь! (Иветте.) Беги бегом и не торгуйся! Жизни парню может стоить! (Подталкивает Иветту к выходу.)

Священник. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, но на что мы будем жить? У вас на руках дочь-калека.

Мамаша Кураж. А полковой ларец на что, умник вы эдакий. Уж эту недостачу они ему простят.

Священник. Можно ли положиться на Иветту?

Мамаша Кураж. Да у нее свой интерес: она хочет, чтобы я поскорее эти двести гульденов отдала, а мой фургон ей достался. Ей к спеху, она сама понимает. Полковник этот не на век ей достался. (Катрин.) Возьми наждаку, почисть ножи! Да и вы тоже, чего расселись, как Иисус на горе Елеонской? Пошевеливайтесь! Помойте стаканы. Вечером полсотни рейтаров явятся, опять начнется: "Ах, мои ноженьки, ах, я бегать не привык, ах, мое дело проповеди читать..." Думаю, они нам его отдадут, слава богу, народ продажный. Не звери же, люди, тоже деньгу любят. Людская продажность что господня благодать, на нее вся надежда. Пока люди взятки берут - и суд иной раз человека оправдать может, даже невиноватого.

Иветта (вбегает запыхавшись). Они согласны за две сотни. Только надо поживей. Они тянуть не любят. Лучше всего я сразу поведу Одноглазого к своему полковнику. Швейцарец признался, что казна у него была. Они ему пальцы в тиски зажали. Но он выбросил ларец в реку, когда заметил, что они за ним гонятся. Ларец тю-тю! Ну, значит, я бегу к полковнику за деньгами?

Мамаша Кураж. Ларец пропал? Чем же я тогда буду долг отдавать?

Иветта. А-а-а! Так вы думали из казенного ларца деньги взять? Ах, вот как! Вы меня надуть хотели! И не надейтесь! Хотите выручить своего Швейцарца, выкладывайте денежки. Или, - может, мне махнуть рукой на это дело, чтобы вам фургон остался?

Мамаша Кураж. Этого я прямо не ожидала! погоди, не торопи! Получишь ты фургон... Простилась я с ним. Семнадцать лет он у меня. Дай подумать минутку. Уж больно все сразу. Что мне делать? Все две сотни я не могу отдать. Хоть бы ты немного поторговалась с ним. Не могу же я безо всего остаться, всякий меня тогда ногами топтать будет. Иди скажи, дают сто двадцать гульденов, иначе ничего не выйдет. И так я без фургона остаюсь.

Иветта. Они не согласятся. Одноглазый торопит, боится, все время оглядывается. Может, лучше дать им все двести?

Мамаша Кураж (в отчаянии). Не могу я! Тридцать лет я маюсь. Дочке двадцать пять, и все не замужем. Должна я и об ней подумать. Не души ты меня, я знаю, что делаю. Скажи: сто двадцать, или ничего не выйдет.

Иветта. Ну, как знаете. (Быстро уходит.)

Мамаша Кураж (не глядя ни на священника, ни на Катрин, садится рядом с дочерью и принимается чистить ножи). Не побейте стаканы, они теперь не наши. Смотри, осторожней, не порежься! Швейцарец вернется, я дам и две сотни, если на то пойдет. Никуда твой брат не денется. На восемьдесят гульденов наберем лоток товару и начнем все сначала. Что ж, и не такие горшки об нашу голову ломались.

Священник. Сказано: велика милость господня.

Мамаша Кураж. Насухо надо вытирать!

Молча чистят ножи. Внезапно Катрин вскакивает и, рыдая, убегает за фургон.

Иветта (вбегает). Они не согласны. Я вас предупреждала. Одноглазый уже уходит хочет, говорит, толку, видно, не будет. Говорит, каждую минуту могут в барабан ударить - тогда, значит, уже казнь. Я до ста пятидесяти дошла, он и слушать не желает. Еле-еле я его упростила дожидаться, пока я последний раз с вами поговорю.

Мамаша Кураж. Скажи ему, даю две сотни. Беги!

Иветта убегает. Молчание. Священник перестал вытирать стаканы.

Боюсь, слишком долго я торговалась.

Издалека доносится барабанная дробь. Священник встает и уходит. Мамаша Кураж продолжает сидеть. Темнеет. Барабанная дробь прекращается. Снова светлеет.

Мамаша Кураж сидит в той же позе.

Иветта (входит, очень бледная). Ну вот вам! Доторговались! Фургон ваш при вас останется. Одиннадцать пуль он получил, вот и все. Не стоило бы мне с вами больше возиться, но я там такую вещь услышала! Они ему, оказывается, не поверили, что он ларец в речку бросил, подозревают, что он спрятан у вас, и вообще вы с ним в сговоре. Они

говорили, хотят тело сюда принести, надеются, вы себя выдадите, когда его увидите. Решила уж предупредить. Не признавайте его, а то все вы пропали. Они следом идут. Может, мне увести Катрин?

Мамаша Кураж качает головой.

Она знает? Она ведь, наверно, не слыхала про барабаны или не поняла?

Мамаша Кураж. Она знает. Приведи ее.

Иветта приводит Катрин. Та подходит к матери и останавливается. Мамаша Кураж берет дочь за руку. Двое солдат вносят носилки, на которых лежит тело, прикрытое простыней. Рядом шагает фельдфебель. Носилки опускают на землю.

Фельдфебель. Вот тут у нас один покойник, не знаем, как зовут. Надо записать для порядка. Он у тебя тут закусывал. Погляди - признаешь личность? (Поднимает простыню.) Ну как, признала?

Мамаша Кураж отрицательно качает головой.

Выходит, до этого его не видала? Он же у тебя закусывал!

Мамаша Кураж качает головой.

Тащите на свалку, его никто не знает.

Тело уносят.

IV

Мамаша Кураж поет "Песню о великом смирении".

Офицерская палатка. Мамаша Кураж ждет у входа. Из палатки выглядывает писарь.

Писарь. Я вас знаю. Это у вас лютеранский казначей укрывался? Лучше и не суйтесь с вашей жалобой.

Мамаша Кураж. Нет, я буду жаловаться. Потому как я не виноватая, а коли я это дело так оставлю, скажут, что у меня у самой рыльце в пушку. Весь товар в фургоне саблями порубили, да еще ни за что ни про что пять талеров штрафа содрали!

Писарь. Послушайте моего совета - держите лучше язык за зубами. У нас маркитанток нехватка, вот мы вашу лавочку и терпим, пока вы штраф платите рыльце-то у вас в пушку.

Мамаша Кураж. Буду жаловаться!

Писарь. Ну, как знаете. Тогда подождите, господин ротмистр сейчас заняты. (Скрывается в палатке.)

Молодой солдат (врывается, ругаясь). Vouque la Madonne! Где тут этот распроклятый гад - ротмистр? Наградные мои зажил и сам с бабами пропил! Зарублю!

Пожилой солдат (вбегает за ним). Тихо, ты, дурья голова, заберут!

Молодой солдат. Выходи, ворюга! Я из тебя котлету сделаю! Где мои наградные? Я один в реку кинулся - из всего эскадрона один, - и мне не на что кружку пива выпить!.. Нет моего терпения! Выходи, на месте зарублю!

Пожилой солдат. Пресвятая дева, сам себя парень губит!

Мамаша Кураж. За что это они ему награды-то не дали?

Молодой солдат. Пусти, говорю! А то я тебя порублю, все одно пропадать!

Пожилой солдат. Он коня полковничьего спас, а на водку ни гроша не получил. Молодой еще, порядков не знает.

Мамаша Кураж. Пусти ты его, не собака он, чтобы на цепи держать. Чаевые требовать - дело законное. А то чего ради солдату стараться-то?

Молодой солдат. Того ради, чтобы эта сволочь там пьянствовала. Эй вы, трусы! Я отличился, подавайте мне мои наградные!

Мамаша Кураж. Ты, паренек, на меня-то не ори: мне и без тебя тошно. И, кстати, глотку свою побереги, может пригодиться, когда ротмистр выйдет. А то он придет, а ты уж осип и словечка вымолвить не можешь, и ему тебя в колодки сажать незачем. Крикуны скоро выдыхаются. Поорал полчаса, а больше уж и духу не хватает, впору его спать укладывать.

Молодой солдат. У меня духу хватает, а спать я не хочу. Жрать я хочу. Хлеб из желудей да конопля пекут, да и то не вволю дают, скаредничают. Этот там с курвами мои

наградные пропивает, а я голодный хожу. Убить его мало.

Мамаша Кураж. Как же вам тут не голодать? Прошлый год ваш командующий нарочно войско по хлебам пустил, чтобы все вытоптали. Я тогда за сапоги десять гульденов брать могла, только не было ни у кого из вас десяти гульденов, а у меня сапог. Вот ведь не чаял, что ему до нынешнего года тут стоять придется, а пришлось. От этого и голодуха. Оно понятно, что ты осерчал.

Молодой солдат. Что ты мне ни толкуй, а не могу я несправедливость терпеть.

Мамаша Кураж. Это все правильно. Но надолго ль тебя хватит? Долго ли ты не можешь несправедливость терпеть? Час или два? Об этом ты и не подумал, а в том вся и соль. Тошно тебе станет в колодках, если вдруг поймешь, что можешь терпеть несправедливость.

Молодой солдат. И на кой я вас тут слушаю? Vouque la Madonne! Где этот ротмистр?

Мамаша Кураж. Слушаешь ты меня потому, как сам все понял, и вся твоя злость уже выкипела. Да и было-то ее - всего на доньшке. А надо бы полный котел, да где взять?

Молодой солдат. Что же, я не в своем праве наградных требовать? Так мне, что ль, вас понимать?

Мамаша Кураж. Наоборот... Только я говорю, злости у тебя маловато, а жаль. Будь ее поболее, я сама тебя б еще науськивала. Сказала бы: руби его, пса этого! А вдруг не порубишь ты его, а только сам хвост подожмешь? Что тогда? Мне-то один на один с ротмистром никак не сладить!

Пожилой солдат. Правду говоришь, мать! Это так, дурь на него нашла.

Молодой солдат. А вот сейчас увидим, зарублю я его или нет. (Выхватывает тесак.) Только выйдет - сейчас зарублю!

Писарь (высовывается из палатки). Господин ротмистр сейчас выйдут. Садись!

Молодой солдат садится.

Мамаша Кураж. Он и вправду сел. Ну, что я говорила? Вот ты уж и сидишь смирнехонько. Они знают, как с нашим братом надо! Прикажут: "Садись!" - вот мы уж и сидим. А какой тут бунт, сидя-то? Нет, нет, сел, так уж сиди, не вставай уж!.. Меня тебе нечего стесняться, я сама не лучше других, какое там! У всех у нас духу не хватает. А почему? Да потому, что купили они нас с потрохами, и смирились мы. Послушай лучше, я тебе расскажу про смирение наше великое. (Поет "Песню о великом смирении".)

Было время - я была невинна,

Я на род людской глядела сверху вниз.

(Я вам не то, что прочие девки: и собой хороша, и работа в руках горит, я в люди выйду!)

Я не знала, что такое "половина",

И не знала слова "компромисс".

(Мне или все, или ничего, мне подавай кого почище! Каждый кузнец своего счастья, можете меня не учить!)

А скворец поет:

Потерпи-ка год!

И, затаив свои мечты,

Со всеми в ряд шагаешь ты.

Увы, приходится шагать

И ждать, ждать, ждать!

Наступит час, настанет срок!

Ведь человек же ты, не бог

Лучше промолчать!

Целый год - ведь это же немало!

Приспособиться приходится и мне.

(Двое ребят на шее, хлеб кусается, ой, только бы дырки заткнуть!)

На коленях я уже стояла

И уже лежала на спине.

(С волками жить - по-волчьи выть, рука руку моет, плетью обуха не перешибешь.)

А скворец поет:

Это только год!

И, затаив свои мечты,

Со всеми в ряд шагаешь ты.

Увы, приходится шагать

И ждать, ждать, ждать!

Наступит час, настанет срок,

Ведь человек же ты, не бог

Лучше промолчать!

Кое-кто пытался сдвинуть горы,

До луны достать, поймать рукою дым.

(Дело мастера боится, смелость города берет, нам все нипочем!)

Но такие убеждались скоро,

Что простая шляпа недоступна им.

(По одежке протягивай ножки!)

А скворец поет:

Потерпи, придет!

И, затаив свои мечты,

Со всеми в ряд шагаешь ты.

Увы, приходится шагать

И ждать, ждать, ждать!

Наступит час, настанет срок!

Ведь человек же ты, не бог

Лучше промолчать!

(Вновь обращаясь к молодому солдату.) Вот я и думаю: если нет твоей мочи терпеть и злость твоя велика, то оставайся тут и саблю в ножны не прячь. Потому как правда - твоя. А коли твоей злости надолго не хватит - лучше сразу восвоеси ступай.

Молодой солдат. Пошла ты! (Уходит шатаясь, пожилой солдат за ним.)

Писарь (выглядывая из палатки). Господин ротмистр пришли, можете подавать свою жалобу.

Мамаша Кураж. Передумала я. Не буду я жаловаться. (Уходит.)

V

Прошло два года. Война захватывает все новые и новые страны. Мамаша Кураж исколесила со своим фургоном Польшу, Моравию, Баварию, Италию и снова

Баварию. 1631 год. Победа полководца Тилли под Магдебургом стоит мамаше Кураж четырех

офицерских сорочек.

Фургон мамы Кураж стоит в разрушенной деревне. Издалека доносятся жидкие звуки марша. У стойки двое солдат. Один из них - в дамской шубке. Мамаша

Кураж и Катрин наливают вино.

Мамаша Кураж. Что? Платить нечем? Нет денег - нет водки. Победу трубить - они все тут, а жалованье солдатам платить - их никого нет.

Солдат. Надо ж и мне свою порцию выпить. Опоздал я, когда город грабили. Надул нас полковник. Отдал нам город всего на часок - я, говорит, не зверь какой. Наверно, его горожане подмазать успели!

Священник (входит запыхавшись). Вон в том дворе еще раненные есть. Целая семья. Помогите мне кто-нибудь, и бинты нужны.

Второй солдат уходит с ним. Катрин в сильном волнении пытается заставить мать дать полотно для перевязок.

Мамаша Кураж. Ничего у меня нет. Бинты все распродала полковым. А офицерские сорочки я рвать не дам.

Голос священника. Давайте бинты, я же вас просил!

Мамаша Кураж (садится на лесенку, загораживая Катрин вход в фургон). Не дам. Они ничего не заплатят, потому - нечем.

Священник (вносит раненую крестьянку). Почему вы не ушли, когда пушка начала стрелять?

Крестьянка (слабо). Хозяйство.

Мамаша Кураж. Почему не ушли? Уйдут они от своего-то добра! А я должна из-за них убыток терпеть? Чего захотели!

Первый солдат. Лютеране они. И на что им такая вера сдалась?

Мамаша Кураж. Толкуй тут про веру, когда у людей дом развалили!

Второй солдат. Никакие они не лютеране, они сами католики.

Первый солдат. Ядро - оно веры не разбирает.

Крестьянин (входит, опираясь на плечо священника). Остался я без руки.

Священник. Где бинты?

Все смотрят на мамашу Кураж. Она не трогается с места.

Мамаша Кураж. Ничего у меня нет. Налоги, пошрины, сборы, да еще каждого подмажь. Разор!

Катрин, издавая гортанные звуки, хватает доску и грозит матери.

Ты что, спятила? Брось доску, а то я тебя сейчас, убогая! Ничего не дам! Не желаю - и все! Надо и о себе подумать.

Священник подымает ее с лесенки и сажает на землю. Он достает из фургона несколько рубашек и разрывает их.

Мои сорочки! Полгульдена штука! Разорили вы меня!

Из дома доносится жалобный детский плач.

Крестьянин. Дочку-то забыли!

Катрин бросается в дом.

Священник (раненой крестьянке). Тебе нельзя вставать. Ребенка вынесут. Успокойся.

Мамаша Кураж. Не пускайте ее, сейчас крыша рухнет!

Священник. Я туда больше не пойду.

Мамаша Кураж (мечется). Поменьше полотна тратьте, оно денег стоит!

Катрин выбегает из разрушенного дома с грудным ребенком на руках,

Рада - без памяти! Опять младенца приволокла. Все бы тебе нянчиться! Отдай матери сию же минуту, а то потом его у тебя без драки не отнимешь. Слышишь ты? (Второму солдату.) А ты чего глаза тарачишь? Поди лучше скажи, чтобы они свою музыку прекратили. Мне и тут видно, что у них победа. А мне от этих побед одни убытки.

Катрин баюкает младенца, мыча колыбельную.

Полюбуйтесь на нее: кругом беда такая, а эта дуреха - рада-радехонька! Отдай его сейчас же! Вон мать уже очнулась. (Замечает, что первый солдат тем временем, схватив бутылку со стойки, собирается улизнуть.) Стой, пся крив! Ты что, скотина, опять за свое? Ишь ты - победитель! Плати!

Первый солдат. Нечем мне. Мамаша Кураж (срывает с него шубку). Тогда давай шубу сюда - все равно краденая.

Священник. Там еще кто-то стонет.

VI

Под городом Ингольштадтом в Баварии, Хоронят главнокомандующего императорских войск Тилли. Мамаша Кураж излагает свои взгляды на достоинства полководцев и на перспективы войны. Полковой священник сетует на то, что его дарования пропадают втуне, а немая Катрин получает красные сапожки.

Идет 1632 год.

Маркитантская палатка. В глубине сцены - стойка. Дождь. Издали доносится барабанная дробь и траурная музыка. Священник и писарь играют в шашки.

Мамаша Кураж и Катрин пересчитывают товар.

Священник. Итак, погребальное шествие тронулось.

Мамаша Кураж. Жалко фельдмаршала. Носков - двадцать две пары. Погиб, говорят, ни за понюшку табаку! Туман подвел. Приказал полку биться насмерть и было назад поскакал, да в тумане заплутался... Угроздило его вперед попасть, в самую баталию. Там на пулю и напоролся... Всего четыре свечи осталось...

Снаружи свист.

Мамаша Кураж (подходит к стойке). И не стыдно вам? С похорон своего фельдмаршала удрали! (Наливает.)

Писарь. Напрасно жалованье перед похоронами выдали. Вот они пьянствуют, чем бы на похороны идти!

Священник (писарю). А ваше присутствие на погребении не обязательно?

Писарь. Я решил не ходить в такой дождь.

Мамаша Кураж. Вы - другое дело. У вас от дождя может мундир попортиться. Говорят, они хотели в колокола ударить, да оказалось, что по его приказу пушками все колокола разбили. Так что не придется бедняге фельдмаршалу и колокольного звона послушать, когда его в могилу опускать станут. Наместо того они придумали три раза из пушки выпалить, чтобы не совсем сухую хоронить... Ремней семнадцать.

За стойкой крик: "Хозяйка, належь стопку!"

Деньги вперед! Нет, нет, сюда не заходи - еще наследите своими сапожищами. И там выпьете. Не сахарные, не растаете. (Писарю.) Я в палатку только начальство пускаю. Говорят, в последнее время у фельдмаршала неприятности были. Во Втором полку, слышать, бунтовались, потому как он им жалованье не заплатил. Говорит, у нас, мол, война за веру, вы должны бесплатно воевать.

Звучит похоронный марш. Все оглядываются.

Священник. Войско дефилирует перед священным прахом своего полководца.

Мамаша Кураж. Поглядишь на такого полководца или, скажем, на императора, прямо жалость берет! Он ведь небось хочет невесть чего сотворить. Надеется, ему монумент поставят, чтобы люди о нем говорили еще и в предбудущие времена. Небось спит и видит, как он весь мир завоюет, это для них - первое дело! Умнее ничего не выдумают. Словом, из кожи вон человек лезет, надрывается, а потом все прахом идет. Из-за кого? Из-за простого народа. Тому что желательно? Кружку пива и компанию... Темнота! Так-то вот распрекрасные затеи всегда ничем и кончаются. И все из-за мелкоты. Ведь она все делает. Сам-то император, чего он может? Без слуг, как без рук. Ведь у него вся сила в солдатах да в народе, какой ему достался. Верно я говорю?

Священник (смеется). Воистину так. Однако касательно солдат я не могу с вами согласиться. Они делают все, что могут. Взгляните на тех, которые так весело под дождем распивают вашу водку! Да с такими молодцами, хоть я в стратегии и не искушен, готов сто лет воевать, даже по две войны сразу!

Мамаша Кураж. Стало быть, по-вашему, войне сейчас конца не будет?

Священник Из-за того, что убит военачальник? Какая наивность! Да их хоть пруд пруди. Герои всегда найдутся.

Мамаша Кураж. Слышьте-ка, я вас спрашиваю не для разговора, а потому как мне знать надо, запастись товаром, пока все дешево достать можно, или нет. Коли война кончится, куда я с товаром денусь?

Священник. Я знаю, что вами движет не праздное любопытство. Ибо 'каждый из нас встречал заблудших, кричащих: вот, война кончится! А я говорю вам: нигде не сказано - война кончится. Конечно, и война знает свои приливы и отливы. - Ибо нет ничего совершенного в юдоли сей, и вовеки не будет войны, о которой скажут: смотрите, в ней нет изъяна, нет порока, нельзя убавить и нельзя прибавить. Да, и война знает препоны на пути своем, ибо кто такой человек, чтобы все предвидеть? Упустил он одно, забыл другое, и вот - все идет прахом! Но императоры, и короли, и папа римский уже спешат войне на помощь, торят ей пути могуществом своим, и она снова цветет, и несть ей предела.

Солдат (поет у стойки).

Хозяин, водки дай хлебнуть:

Солдат уходит в дальний путь,

За веру будем биться!

Двойную порцию - нынче праздник!

Мамаша Кураж. Уж и не знаю, поверить, что ли, вам?..

Священник. Рассудите сами, что может помешать войне?

Солдат (поет).

Эй, баба, дай пощупать грудь,

Солдат уходит в дальний путь,

Он должен торопиться.

Писарь (неожиданно). А как насчет мира?.. Когда ж он будет-то? Я сам из Богемии, домой иногда тянет.

Священник. Ах, вас тянет? Да, мир, мир... Когда сыр съеден, куда дырки денутся?

Солдат (поет в глубине сцены).

Дружок, спешి откозырнуть.

Солдат уходит в дальний путь,

Послушен офицеру.

Эй, поп, молитву не забудь.

Солдат уходит в дальний путь,

Чтоб умереть за веру.

Писарь. Нельзя же, чтоб никогда мира не было. Так и жизнь не мила будет!

Священник. Но разве нет мира и на войне? Есть, есть! О всех нуждах людских позаботится война, и о мирных. Ибо как могла бы она иначе длиться? Нет отказа в нужде твоей телесной. Война даст тебе мирный уголок, доброго вина поднесет тебе она, когда утихнет битва. Сон тебя сморит - освежишь усталые члены свои на лугу близ походной дороги. В час сражения не можешь предаться карточной игре, но ведь и пахарь, шагая за плугом, воздерживается от порока сего! Но не запрещено тебе предаваться ему, когда победа осенит тебя своими крылами. Лишился ты одного из членов своих на поле брани - не сетуй! Милосердна война, и вином успокоишь ты сердце свое, и вновь ты весел, как прежде. Спрашиваю я вас, понесла ли война от того ущерб? Заповедано нам: плодитесь и размножайтесь. Но препятствует ли война выполнять эту заповедь господню? На тучных полях или в житницах, среди душистого сена утоляешь ты плоть свою и отпрысков своих отдаешь войне, и она пребывает вовеки. Истинно говорю - нет ей предела.

Катрин перестает работать и неподвижным взглядом смотрит на священника.

Мамаша Кураж. Пошлю за товаром. Положусь на вас.

Катрин внезапно бросает на землю корзину с бутылками и выбегает.

Катрин! (Смеется.) Ах ты господи! Она ведь ждет не дождется мира. Я ее обещала замуж отдать, когда замиренье выйдет. (Выбегает за Катрин.)

Писарь (встает). Я выиграл, пока вы тут проповедовали. С вас причитается.

Мамаша Кураж (возвращается с Катрин). Будь умницей! Еще немножко повоюем, еще немножко деньжат сколотим, а как мир придет - заживем припеваючи. Ты сейчас сходи в город, в трактир Золотого Льва - туда рукой подать. Заберешь вещи, только что подороже, за остальным мы потом заедем - с фургоном. Я с хозяином договорилась. Господин писарь тебя проводит. Бояться некого, сейчас все на похоронах. Смотри, чтобы у тебя ничего не стащили. Помни о приданом!

Катрин накидывает на голову парусину и уходит с писарем.

Священник. Как вы решались отпустить ее с этим писарем?

Мамаша Кураж. Не такая она красавица, чтобы ее так уж сразу погубили.

Священник. Не скрою, я восхищаюсь вами. Как вы свое дело ведете! Как у вас все ладится! Теперь я вполне понимаю, что вас изрекли Кураж.

Мамаша Кураж. "Бедным людям без куражу никак нельзя. Иначе их дело пропащее.

Поутру глаза открыть - и то не сразу решишься. Поглядишь - война ведь идет, а народ пашет! И детей рожает! Сколько куражу-то надо! И на что только надеются? Всех ведь на убой гонят. Они же сами друг друга режут. Откуда только кураж берется друг другу в глаза смотреть! И всех терпят. И папу римского, и императора - самую свою погибель! (Садится, достает из кармана коротенькую трубочку и закуривает.) Не мешало бывай дровишек наколоть.

Священник (с неохотой снимает куртку). Я, собственно, пастырь духовный, а не дровосек.

Мамаша Кураж. У меня тут пасти некого, а вот дрова требуются.

Священник. Что это у вас за трубка?

Мамаша Кураж. Так, трубочка.

Священник. Нет, не "так трубочка", а трубочка весьма определенная.

Мамаша Кураж. Да?

Священник. Это трубка повара из полка Оксеншерна.

Мамаша Кураж. А коли вы знаете, зачем с таким подвохом спрашивать?

Священник. Потому что мне неизвестно, знаете ли вы, чью трубку вы курите. Она могла вам случайно под руку попасться, и вы ее закурили по рассеянности.

Мамаша Кураж. Может, так оно и есть.

Священник. Нет, не так. Вы ее закурили преднамеренно.

Мамаша Кураж. А если бы и так?

Священник. Анна, мой долг вас предостеречь! Вряд ли вы еще когда-нибудь увидите этого господина, но жалеть об этом не приходится. Напротив, это ваше счастье. Он не произвел на меня впечатление приличного человека. Отнюдь.

Мамаша Кураж. Ну? А по мне - славный был человек.

Священник. Ах, вот как? По-вашему, это называется славный человек? По-моему, нет. Я далек от того, чтобы желать ему зла, но славным человеком я его не могу назвать. Скорее это донжуан. Опасный человек! Взгляните на его трубку, если вы мне не верите. Весь его характер в ней!

Мамаша Кураж. Ничего я не вижу. Трубка как трубка, только прокурена.

Священник. Она прокушена! О чем это говорит? Владелец этой трубки сущий зверь. Насильник! И вы это должны понимать, если вы в здравом уме.

Мамаша Кураж. Вы сами-то не зверствуйте, колоду мою расколете!

Священник. Я вам уже говорил, что не обучался искусству дровосека. Я штудировал душеспасительные науки. Здесь явно пренебрегают моими дарованиями, и я вынужден заниматься черным трудом. Я зарываю в землю дарованные мне господом таланты. Это грех. Вы не слышали меня на кафедре. Солдатам, вдохновленным моей проповедью, неприятельская армия не страшнее стада овец. Они расстаются с жизнью легче, чем с заношенной портянкой! У них одна мысль - о победе! Да, богу угодно было ниспослать мне дар слова. Я могу вам сказать такую проповедь, что у вас руки и ноги отнимутся!

Мамаша Кураж. Ну, это уж мне ни к чему!

Священник, Анна, я часто размышляю, не тщитесь ли вы насмешками скрыть свое пылкое сердце? Вы ведь женщина, и вам нужно тепло.

Мамаша Кураж. Вот дровишек наколите, и будет в палатке тепло.

Священник. Вы уклоняетесь, Анна. Не будем шутить. Часто-часто я спрашиваю себя: что, если бы наши отношения приняли более близкий характер? Недаром водоворот войны столь чудесно свел нас!

Мамаша Кураж. Куда уж ближе! Я вам обед варю, вы тоже хлопчете: дрова колете.

Священник (подходит к ней). Вы знаете, что я разумею под большей близостью. Речь не о еде, дровах и тому подобных низменных нуждах. Дайте волю своему сердцу. Не ожесточайтесь!

Мамаша Кураж. Отойдите с топором-то, а то что-то больно близко получается!

Священник. Оставим эти шутки. Я человек серьезный и обдумал то, что говорю.

Мамаша Кураж. Ваше преподобие, не валяйте дурака. Я с вами по-хорошему. Ссориться нам ни к чему. У меня одно на уме, как себя и детей прокормить своей торговлей. Я ведь не ради себя одной стараюсь. А эти ваши глупости мне и в голову не лезут. Сейчас вот я товару набрала - риск-то какой! Командующий убит, все говорят, мир будет. Куда вы денетесь, коли я разорюсь? То-то вот, и сами не знаете! Наколите-ка вы нам дровишек, будет вечером тепло - и на том спасибо по нынешним временам... Что там такое? (Встает.)

Вбегает Катрин запыхавшись. Лицо ее залито кровью, она тащит связки сапог, ремни, барабан, свертки и т. д.

Что с тобой? На тебя напали? На обратном пути? Напали на нее, когда домой шла! Уж не тот ли рейтар, который у меня тут нализался? И зачем я тебя отпустила! Да брось вещи! Ну, не так страшно. Кость не задета. Сейчас перевяжу, за неделю зарастет. Хуже зверей, право слово. (Перевязывает рану.)

Священник. Не решусь их укорить. Дома у себя они не бесчинствуют. Виновны те, кто затевает войну. Это по их вине низменные страсти берут в людях верх.

Мамаша Кураж. А писарь тебя обратно разве не проводил? Все оттого, что ты порядочная, им на таких плевать. Ничего, рана не глубокая. Через неделю и следов не останется. Ну вот и перевязала. А я тебе гостинец припасла. Гляди-ка что! (Достает красные сапожки Иветты.) Не ожидала? Ты ведь всегда на них заглядывалась. Надевай-ка скорей, пока я не передумала. Не горюй, следа не останется. А хоть бы и остался, по мне, не велика беда. Хуже нет, как мужикам нравится! Будут тебя таскать, пока совсем не истаскаешься. Кто им не нравится, дольше на свете проживет. Сколько я девиц перевидала смазливеньких! Оглянуться не успеешь, а уж она такая стала - впору волков пугать. Они и в сад выйти боятся, разве это жизнь? Наша сестра что березка в лесу: прямую да стройную - сразу срубят, а кривые да неказистые живут-поживают. Коли шрам останется, почитай за счастье. А сапожки еще как новенькие, я их хорошо смазала.

Катрин, не глядя на сапожки, забирается в фургон.

Священник. Будем надеяться, что девица не останется уродом.

Мамаша Кураж. Шрам останется. Теперь ей мира дожидаться незачем.

Священник. А добро все сохранила.

Мамаша Кураж. Напрасно я ей на дорогу про приданое поминала. Хотела бы я знать, что у нее на душе творится. Одну ночь она дома не ночевала. Одну только ночь за все эти годы. Пришла такая же, как всегда, только на работу злей стала. Так я и не знаю, что с ней в ту ночь было. Долго я голову ломала. (Сердито разбирает товары.) Вот она, война! Вот от нее и барыш!

Слышатся пушечные выстрелы.

Священник. Тело полководца опускают в могилу. Исторический момент.

Мамаша Кураж. Для меня исторический момент, что дочке лицо изуродовали. И так богом обижена, а тут еще... Мужа ей теперь не видать. А ведь по детям - с ума сходит... Немая она - тоже через войну. Солдат один, когда маленькая была, что-то в рот ей сунул. Швейцарца моего я потеряла, где Эйлиф - один бог ведает... Будь она проклята, эта война!

VI

Дело мамашы Кураж процветает.

Тракт. Мамаша Кураж, священник и Катрин тянут фургон; он увешан новыми товарами. На мамаше Кураж монисто из серебряных талеров.

Мамаша Кураж. Вы мне тут войну не черните! Она слабых губит? Ну и что ж, они и в мирное время мрут как мухи! Зато наш брат на войне сытей бывает! (Поет.)

Кому в войне не хватит воли,

Тому добычи не видать.

Коль торговать, не все равно ли,

Свинцом иль сыром торговать?

И что толку на месте сидеть? Кто на месте сидит, тот первым в землю ляжет. (Поет.)

Иной хитрит, юлит, хлопочет,

Вовсю противится судьбе,
Себе нору он вырыть хочет
Могилу роет он себе.
Кто отдохнуть от шума боя
Стремится, не жалея сил,
Тот в царстве вечного покоя
Пускай поймет, куда спешил.
Фургон едет дальше.

VIII

В том же году в битве под Лютценом пал шведский король Густав Адольф. Мир грозит мамаше Кураж разорением. Отважный Эйлиф совершает один лишний подвиг и находит бесславный конец.

Бивак. Летнее утро. Перед фургоном старая крестьянка и ее сын, молодой парень. У него в руках большой мешок с перинами, подушками.

Голос мамыши Кураж (из фургона). Что вы притащились ни свет ни заря?

Парень. Мы всю ночь шли, пока к вам добрались. Сегодня засветло домой поспеть должны. Ведь двадцать миль ходу!

Голос мамыши Кураж. Куда я ваши перины дену? У людей крыши над головой нет!

Парень. Вы сперва поглядите, а потом говорите.

Старуха. И тут толку не будет. Пойдем.

Парень. Да у нас же все хозяйство опишут, коли подать не заплатим. Может, она даст три гульдена, если твой нательный крест приложить.

Слышится колокольный звон.

Слышишь, мать?

Голоса (за сценой). Мир! Шведского короля убили!

Мамаша Кураж (высовывает голову из фургона. Она еще не причесана). Что это они в будний день заблаговестили?

Священник (вылезает из-под фургона). Что они кричат? Мир?

Мамаша Кураж. Типун тебе на язык! Какой там мир, когда я столько товару запасла.

Священник (кричит людям в глубине сцены). Правда, мир наступил?

Голос. Говорят, уже три недели, как мир. Одни мы только не знали!

Священник (мамыше Кураж). По какой другой причине они могли в колокола ударить?

Голос. В городе уже полным-полно лютеранских. Они нам и рассказали.

Парень. Мать, мир настал! Чего ты?

Старуха падает в обморок.

Мамаша Кураж (снова забирается в фургон). Надо же! Катрин, мир! Надень черное платье, пойдем в церковь помолимся. Давно пора Швейцарца помянуть. Только правду ли говорят?

Парень. Кругом все говорят. Мира дождались. Мать, ты сама встанешь?

Старуха с трудом поднимается.

Теперь опять шорную мастерскую откроем. Мое слово верное. Все на лад пойдет. И отцу перину обратно отнесем. Ты идти-то сможешь? (Священнику.) Ноги у нее подкосились, как услышала. Не верила, что мир придет. А отец всегда говорил. Ну, мы домой пошли.

Парень и старуха уходят.

Голос мамыши Кураж: Дайте ей выпить!

Священник. Они уже ушли.

Голос мамыши Кураж. А что там, в лагере?

Священник. Народ сбегается. Я поспешу туда. Не надеть ли мне облачение?

Голос мамыши Кураж. Вы сперва все получше разузнайте, а потом уж показывайте, какой вы антихрист. Рада я, что мир, хотя мне от него - одно разорение. Уж двоих-то ребят у меня война не отнимет. Теперь и Эйлифа увижу.

Священник. Кто это спешит к нам из лагеря? Да это повар военачальника!

Повар (он несколько опустил плечи. За плечами котомка). Кого я вижу! Ваше преподобие!

Священник, Анна, к нам гости!

Мамаша Кураж вылезает из фургона.

Повар. Я же вам обещаю: я приду, как только будет время, немножко повертеть языком. Я не забыл ваша водка.

Мамаша Кураж. Иисусе, повар наш! Сколько лет, сколько зим! А где же Эйлиф, старшенький мой?

Повар. Разве его еще нет? Он выходит раньше меня и тоже хотел к вам.

Священник. Я надену облачение. Погодите. (Уходит за фургон.)

Мамаша Кураж. Стало быть, он с минуты на минуту может прийти. (Кричит в фургон.) Катрин! Эйлиф придет! Поддай повару стаканчик водки! Катрин!

Катрин не показывается.

Да зачеши ты волосы на лоб - и делу конец. Ведь господин Ламб свой человек. (Сама подает повару водку.) Не хочет выходить. Она и миру не рада. Слишком долго его ждать пришлось. Ей лоб рассадили, уж и следа почти не осталось, а она думает, все на нее глаза пялят.

Повар. Да, война, война!

Оба садятся.

Мамаша Кураж. В худое время довелось нам встретиться. Разорилась я.

Повар. Как? Вот неповезение!

Мамаша Кураж. Этот мир меня погубит! Недавно послушала я треклятого попа и товару накупила. Теперь все по домам разбегутся, а я сижу со своим товаром.

Повар. Как вы могли послушать попа! Имей я тогда время - увы, католик был слишком скор, - я бы вас от него предостерегал! Это туineaдец... Так, так! Значит, теперь он у вас всему голова?

Мамаша Кураж. Он у меня посуду мыл и фургон помогал тащить.

Повар. Он - "тащить"? Он вам, наверно, только свои шуточки отпускал! Я его знаю как общипанный! Он имеет грязные мысли на женщин. Я воспитывал его, но мой голос был вопиющий. Этот человек не есть положительный.

Мамаша Кураж. А вы - положительный?

Повар. Пусть у меня ничего не осталось, но я остался положительный. Ваше здоровье!

Мамаша Кураж. Положительный... Тьфу! Слава богу, у меня только один был такой. Ох и солоно мне с ним пришлось! Весной с ребят одеяла продал, а гармошку мою велел выкинуть - это, мол, грешная забава. Не в вашу это пользу, коли вы сами о себе говорите, что вы человек положительный.

Повар. Я вижу, у вас по-прежнему острый зубок. Но это мне по нраву.

Мамаша Кураж. Вы мне тут еще наговорите, будто только и мечтали мне на зубок попасть.

Повар. Да, так вот мы сидим, и колокола благовествуют мир, и пьем ваша водка, какой только из ваших рук. Он есть знаменитый.

Мамаша Кураж. Гроша я за этот благовест не дам сейчас. Жалованье солдатам сколько времени не выдавали, чем платить будут? Куда мне прикажете деваться с моей знаменитой водкой? Вам-то выплатили или нет?

Повар (замявшись). Не совсем. Поэтому мы все разоитись. Ради такие обстоятельства я подумывал, зачем оставаться - я пока посещаю друзей. И вот я наконец возле вас.

Мамаша Кураж. Попросто сказать - вы на мели?

Повар. Они могли бы уже прекращать свой трезвон. Я бы не прочь войти в какое-нибудь дело. Я не желаю больше быть им повар. Не хочу варить похлебка из трава и подметка, потом они меня этой похлебка поливать. Нынче повар - собачья жизнь! Лучше быть солдат!.. Но - увы - теперь мир... (Заметив священника, который выходит уже в своем старом одеянии.) Мы поговорить об этом потом.

Священник. Прекрасно сохранилось, чуть тронута кое-где молью.

Повар. Не могу понять, для чего вы старались. Где вы найдете место? Кого вы хотите теперь воспламенить, чтобы он честно заслужил свое жалование и всю жизнь жертвовал собой? И вообще я должен вам задать пфеферу. Ибо вы насовествовали этой даме купить ненужный товар, якобы война будет вечно.

Священник (сердито). Какое вам дело?

Повар. Это бесчестно - вот какое дело! Кто вам разрешал вмешиваться в дела другой человек с непрошеными советами?

Священник. Любопытно, кто здесь вмешивается? (Мамаше Кураж.) Оказывается, сей господин столь близкий ваш друг, что вы должны давать ему отчет? Это для меня новость!

Мамаша Кураж. Вы не горячитесь. Повар по-своему судит. А уж коли на то пошло, здорово вы меня надули с вашей войной!

Священник. Не кощунствуйте! Мир - это благодать господня. Вы - гиена полей сражений!

Мамаша Кураж. Кто - я?

Повар. Если вы оскорбляли моя знакомая, вы будете иметь дело со мной!

Священник. С вами я не разговариваю. Ваши намерения чересчур прозрачны. (Мамаше Кураж.) Когда я вижу, сколь брезгливо вы встречаете весть о мире, словно боясь прикоснуться к нему, как к старой половой тряпке, - все человеческое во мне возмущается. Вижу я, вы желаете не мира, а войны, ибо она приносит вам барыш. Но не забывайте старинного речения: кто хочет обедать с чертом, запасайся длинной ложкой!

Мамаша Кураж. Я от войны не много добра видела, и мне ее нечего добром поминать. А вот гиену я вам не прощу! Между нами все кончено.

Священник. Зачем вы сетуете на мир, когда все люди свободно вздохнули? Из-за старой рухляди в вашем фургоне?

Мамаша Кураж. У меня товар, а не старая рухлядь. Он меня кормит и вас до нынешнего дня кормил.

Священник. Ага, все-таки война кормила?

Повар (священнику). Стыдно взрослый человек не знать, что не следует никому давать совет. (Мамаше Кураж.) На вашем месте нельзя сделать ничего лучшего, как сбить что удастся, пока ему еще есть красная цена. Одевайтесь и скоро на базар. Не теряйте минуты!

Мамаша Кураж. Вот это разумный совет! Пожалуй, так и сделаю.

Священник. Потому что повар так сказал?

Мамаша Кураж. А чего ж вы молчали? Повар дело говорит: я лучше пойду на рынок. (Уходит за фургон.)

Повар. Моя взяла, ваше преподобие. Что-то вы не есть находчивый. Вы бы ей сказали: когда я вам давать совет? Я просто так, рассуждать о политика и все. У вас на меня кишка тонкий! А петушиная драка не к лицу ваш сан.

Священник. Держите язык за зубами, не то я вас убью, к лицу это или не к лицу.

Повар (снимает сапог и начинает перематывать портянку). Не будь вы такой низкий безбожник, вы бы сейчас легко приход получали. Повара не нужно - варить нечего. А религия никуда не девался. Тут ничего не меняться.

Священник. Господин Ламб, не прогоняйте меня, войдите в мое положение! Упав столь низко, я возвысился духом. Я больше не смогу читать проповеди.

Появляется Иветта Потье. Она в черном богатом наряде, с тросточкой в руке.

Она постарела, потолстела и не в меру напудрена. С ней слуга.

Иветта. Привет! Привет! Я попала к мамаше Кураж?

Священник. Совершенно верно. А с кем мы имеем удовольствие?..

Иветта. Полковница Штаремберг, почтенные. Где сама мамаша Кураж?

Священник (кричит в фургон). Полковница Штаремберг желает вас видеть!

Голос мамы Кураж. Сейчас выйду.

Иветта. Это я - Иветта!

Голос мамы Кураж. Ах, Иветта!

Иветта. Решила вас проведать. (Заметив повара, который в ужасе отвернулся.) Питер!

Повар. Иветта!

Иветта. Ну и ну! Как ты сюда попал?

Повар. Приехал.

Священник. Ах, вы знакомы? И близко?

Иветта. Еще бы! (Разглядывает повара.) Растолстел.

Повар. Твоя талия тоже исчез.

Иветта. Хорошо, что ты мне попался, прохвост. Сейчас я все выложу, что о тебе думаю.

Священник. Пожалуйста, пожалуйста, без стеснения! Только подождите, пока мамаша Кураж выйдет.

Мамаша Кураж (выходит из фургона с товарами в руках). Иветта!

Обнимаются.

Почему ты в трауре?

Иветта. Разве мне не идет? Мой муж, полковник, умер года два назад.

Мамаша Кураж. Это тот старикан, который чуть мой фургон не купил?

Иветта. Нет, его старший брат.

Мамаша Кураж. Ты неплохо устроилась! Наконец-то вижу человека, которому от войны польза!

Иветта. Всякое бывало. А в общем - ничего.

Мамаша Кураж. Тебе грех жаловаться. Полковница! У полковников денег куры не клюют.

Священник (повару). Я на вашем месте все же надел бы сапоги. (Иветте.) Вы обещали сказать, что вы думаете об этом господине, милостивая государыня!

Повар. Иветта, не порть коммерцию!

Мамаша Кураж. Это мой друг, Иветта!

Иветта. Это - Питер с трубочкой!

Повар. Оставь, пожалуйста, этот кличка. Меня зовут Ламб.

Мамаша Кураж (смеется). По которому бабы с ума сходили? А знаете, я вашу трубочку сохранила.

Священник. И курила ее!

Иветта. Ваше счастье, что я могу вам рассказать, какая это личность. Худшего негодяя на всем голландском побережье не встретить! У него пальцев не хватит пересчитать всех несчастных, которых он погубил.

Повар. Это было давно и не есть правда.

Иветта. Встань, когда к тебе обращается дама! Как я любила этого человека! И в то же самое время он бегал к одной брюнетке. К кривоногой! Ее он тоже сделал несчастной, понятно.

Повар. Как я вижу, тебя я в конце концов делал счастливой.

Иветта. Молчи уж ты, жалкая развалина! Но вы берегитесь его. Такой тип даже на старости лет опасен для нашей сестры.

Мамаша Кураж (Иветте). Пойдем со мной. Мне надо товар сбыть, пока он еще в цене. Может, замолвишь за меня словечко в полку, у тебя ведь такие связи? (Кричит в фургон.) Катрин! Некогда нам в церковь, на базар надо! Если Эйлиф придет, дай ему выпить. (Уходит с Иветтой.)

Иветта (уходя). И подумать, что такое ничтожество могло меня когда-то сбить с пути истинного! Я должна благодарить свою счастливую звезду, что все-таки вышла в люди! Но хоть сейчас я тебе испортила дело! Это мне зачтется на небесах, Питер с трубочкой!

Священник. Итак, завершая нашу беседу, я сказал бы: бог правду видит... А вы пеняли на мою находчивость!

Повар. Просто неповезение! Я вам по правде скажу: я сильно изголодался. Я ожидал здесь поесть что-нибудь горячее, а теперь они там обо мне говорят, и она получит мой совсем фальшивый портрет. Лучше я уходить, пока она не пришел.

Священник. И я полагаю, это будет лучше.

Повар. Ваше преподобие, должен вам сказать: от этот мирный время меня уже мутит. Человечество должно очиститься огнем и мечом, ибо люди грешники с малый лет. Хотел бы я опять своему фельдмаршалу - куда он деваться? зажарить жирный каплун с горчичной подливкой и морковкой!

Священник. С красной капустой. К каплуну полагается красная капуста.

Повар. Это есть правильно. Но фельдмаршал любить морковь.

Священник. Ни черта он не понимал.

Повар. Вы всегда уписывать это кушанье за две щеки.

Священник. С отвращением.

Повар. Как бы то ни было, вы согласиться со мной, что это был неплохой время.

Священник. С этим я, возможно, соглашусь.

Повар. Раз вы обозвать ее гиена, ваше хорошее время здесь тоже кончалось. На что вы так устались?

Священник. Эйлиф!

Появляется связанный Эйлиф в сопровождении двух солдат с пиками. Он бледен как мел.

Что с тобой случилось?

Эйлиф. Где мать?

Священник. В городе.

Эйлиф. Мне сказали, она здесь. Мне разрешили повидаться с матерью.

Повар (солдатам). Куда вы его вести?

Солдат. В последний путь.

Священник. Что он натворил?

Солдат. К мужикам вломился. Хозяйку прирезал.

Священник. Как ты мог это сделать?

Эйлиф. А чего я такое сделал? Первый раз, что ли?

Повар. Но ведь сейчас есть мир!

Эйлиф. Заткнись! Можно присесть, пока она придет?

Солдат. Некогда нам.

Священник. На войне его за это дело чествовали. Он был первым храбрецом. Полководец сажал его по правую руку. Нельзя ли поговорить с профосом?

Солдат. Не поможет. Какая тут храбрость - у мужика скотину отнять?

Повар. Это есть глупость!

Эйлиф. Был бы я глуп, я бы с голоду подох, умник ты вшивый!

Повар. А ты был умный, и твоя умная голова теперь долой!

Священник. Надо хоть Катрин сказать.

Эйлиф. Не тронь ее. Дай лучше мне водки глоток.

Солдат. Некогда тут! Пошли!

Священник. Что же нам передать твоей матери?

Эйлиф. Скажи, все делал, как учили. Скажи, все так же отличался. А то ничего не говори.

Солдаты уводят его.

Священник. Я провожу тебя в твой последний путь.

Эйлиф. Нужен ты мне, поп.

Священник. Ты этого не знаешь. (Идет за ним.)

Повар (кричит им вслед). Я ей все-таки сказать. Она захотеть с ним повидаться.

Священник. Лучше умолчите. Скажите, он заходил и, может, завтра зайдет. К тому времени я вернусь и сумею ее приготовить. (Спешит за солдатами.)

Повар (покачивая головой, глядит им вслед, затем, помявшись, подходит к фургону). Послушайте, выходите сюда. Я понимать, что вы от мирное время спрятались, я тоже не прочь. Это же я, повар фельдмаршала, неужели вы меня забывали? Интересно знать, нет ли у

вас чего покушать? Пока ваша мать не вернется. Я бы не отказывался от кусочек сала или даже хлеба. Так, от нечего делать. (Заглядывает в фургон.) С головой под одеяло!

Издали доносится канонада.

Мамаша Кураж (вбегает запыхавшись, с теми же свертками). Повар, мир уже кончился! Уже третий день снова война! Я, слава богу, ничего не успела продать, вовремя узнала. В городе перестрелка с лютеранами. Надо подброду-поздорову уезжать. Катрин, собирайся! Что это с вами? Стряслось что?

Повар. Нет, нет.

Мамаша Кураж. Нет, что-то было. По всему видать!

Повар. Да вот, опять война... Тут, боюсь, до завтрашний день крошки в рот не будет.

Мамаша Кураж. Бросьте врать, повар!

Повар. Эйлиф тут заходил. Только он сразу должен снова уходить.

Мамаша Кураж. Заходил, говорите? Ну вот, значит, в дороге увидимся. Я теперь к своим прибьюсь. Ну как мой старшенький?

Повар. Как всегда.

Мамаша Кураж. Да, уж его не переделаешь. Его у меня война не отнимет. Он парень умный... Помогите-ка собраться. (Начинает укладываться.) Что-нибудь рассказывал? Как он с начальством ладит? Опять, наверно, отличился?

Повар (мрачно). Говорил, так же отличился, как в тот раз.

Мамаша Кураж. Потом доскажете. Нам пора.

Катрин появляется.

Катрин, мир пока отставили. Едем дальше. (Повару.) Чего вы там?

Повар. Пойду завербоваться.

Мамаша Кураж. Я вам кое-что предложу. Где его преподобие?

Повар. В городе, с Эйлифом.

Мамаша Кураж. Поедем тогда пока с нами. Мне нужен помощник.

Повар. Вот эта историй с Иветтой...

Мамаша Кураж. Чего там, вы мне от этого не меньше нравиться. Скорей наоборот. Где дым, там и огонь. Поехали, значит?

Повар. Я не говорил нет.

Мамаша Кураж. Вон Двенадцатый полк уже тронулся. Становитесь-ка в корень. Вот вам ломоть хлеба. Нам объезжать придется, хочу к лютеранам пристать. Может, еще нынче с Эйлифом повидаюсь. Он мне сейчас всех милей. А недолго мир простоял, верно? И снова все по старой колее пошло.

Катрин и повар впрягаются в лямки фургона.

Мамаша Кураж (поет).

Из Ульма в Мец, из Меца к чехам!

Вперед, Кураж, из края в край!

Война прокормит нас с успехом,

А ей свинца и пушек дай.

Одним свинцом сыта не будет,

Одних лишь пушек мало ей:

Войне всего нужнее люди,

Война погибнет без людей.

IX

Уже шестнадцать лет длится великая война за веру. Германия потеряла больше половины своего населения. Кто уцелел от резни, того уносит мор. В некогда цветущих краях свирепствует голод. Волки бродят по улицам сгоревших городов. Осенью 1634 года мы встречаем мамашу Кураж в горах Фихтель, неподалеку от тракта, по которому движутся шведские войска. Зима в этом году ранняя и суровая. Дела идут плохо, остается только побираться. Повар получает с

родины, из Утрехта, письмо, а у мамыши Кураж - отставку.

Фургон мамыши Кураж остановился возле полуразвалившегося пасторского дома. Хмурое утро начала зимы. Порывами налетает ветер. Мамаша Кураж и повар одеты в рваные овчины.

Повар. Везде темно. Никто еще не вставать.

Мамаша Кураж. Тут пастор живет. Ему к заутрене пора. Похлебка небось уже на столе стынет.

Повар. Откуда? Вся деревня - одни угольки. Мы видеть.

Мамаша Кураж. Нет, тут жилим духом пахнет. Слыхал, собака лаяла?

Повар. Если он имеет, он не давать.

Мамаша Кураж. Может, споем...

Повар. Я сыт все это по горло. Я-получил письмо из Утрехт. Моя мать умер от холера. Трактир теперь мой. Вот письмо, если ты не верить. Так и быть, я тебе его показываю. Пускай тетка там ругается на мой шалопутство.

Мамаша Кураж (читает письмо). Питер, мне тоже скитаться надоело. Поглядишь на себя - словно ты собака у мясника: покупателям мясо развозит, а у самой только слюни текут. Товар у меня - одни слезы, и у людей - одни слезы: чем им платить? В Саксонии оборванец один мне целую кучу пергамента хотел всучить за пару яиц. А в Вюртемберге за мешочек соли плуг отдавали. На что теперь пахать? Ничего не растет, один бурьян везде. В Померании, говорят, мужики детей малых поели. Монахи там - в грабеже попались.

Повар. Весь мир вымирать.

Мамаша Кураж. Мне уж и так порой мерещится, будто я в преисподнюю заехала, смолой торгую... А другой раз - будто по райскому саду еду, отпускаю неприкаянным душам провиант на дорогу. Кабы мне с остатками ребятами своими местечко такое найти, чтобы не стреляли кругом... Хотелось бы годок-другой на покое пожить.

Повар. Мы бы в трактире дело наладили. Решай, Анна. Я нынешнюю ночь уже решал: с тобой или без тебя - возвращаться в Утрехт сего же дня.

Мамаша Кураж. Надо с Катрин потолковать. Так сразу не с руки. Натощак да в холод плохо я что-то соображаю. Катрин!

Катрин вылезает из фургона.

Слышь-ка, мы с поваром в Утрехт собираемся. Ему там трактир в наследство достался. И тебе бы там хорошо было, знакомство бы завела. Когда человек на хорошем месте сидит, он всякому приглянется. Не в красоте счастье! Я, по правде сказать, думаю согласиться. Мы с поваром ладим. Врать не стану, он в торговле соображает. Каждый день обед варили бы. Хорошо бы, верно? Тебе кровать поставим. Рада будешь, а? Нельзя же век бродяжничать. Ты у меня так совсем зачахнешь, и то уж завшивела. Надо сейчас решать, потому шведы на север идут. Мы к ним пристать можем, они где-то тут неподалеку. (Показывает налево.) По-моему, надо нам соглашаться, Катрин?

Повар. Анна, я хотел сказать слово с тобой одна.

Мамаша Кураж. Лезь в фургон, Катрин!

Катрин забирается в фургон.

Повар. Я тебя не перебивал, так как это есть недоразумение с твоя сторона. Я думал, мне не надо сказать, это есть ясно и так, но когда нет, я должен тебе говорить: не может быть речь, чтобы взять ее с собой. Я думал, ты меня поняла?

Катрин выглядывает из фургона и прислушивается.

Мамаша Кураж. Как ты сказал? Мне - Катрин оставить?

Повар. А ты что себе думать? В заведении нет места. Это не великая гостиница. Если мы оба положить язык на плечо, мы двое прокормимся, но не трое, это не выходило. Твоей Катрин оставь фургон.

Мамаша Кураж. Я-то думала, она в Утрехте себе мужа найдет!

Повар. Не смешить меня! Как она находила мужа? Немой и с этот шрам? И в этот возраст?

Мамаша Кураж. Тише!

Повар. Что есть, то есть, тише или громче. И это тоже есть одна причина, почему я не могу держать ее в заведении. Гости не хотят видеть такое лицо перед глаза. Как ты можешь это от них требовать?

Мамаша Кураж. Замолчи! Не ори!

Повар. В окошка свет. Можно начинать песня.

Мамаша Кураж. Питер, как ей одной с фургоном управиться? Да и войны она боится! Невмоготу девке это дело. Что только она во сне видит... Каждую ночь стонет. А уж как сражение - особенно! Что уж ей там мерещится, не знаю. Жалостлива она больно. Намедни мы ежа придавили, а она его подобрала и спрятала.

Повар. Заведений слишком маленький. (Кричит.) Почтенный хозяин, хозяйюшка и слуги! Мы вам поем песню про царь Соломон, Юлий Цезарь и другой великий человек, которым худо пришлось. Мы тоже есть честные люди, и потому нам живется несладко, особенно зимой.

Оба поют.

Знаком вам мудрый Соломон,

Конец его знаком?

Он день рожденья своего

Назвал своим несчастным днем.

Он говорил, что ничего

Нет в мире, суета одна.

Был Соломон мудрец большой,

И вам теперь мораль ясна:

Мудрость концу его виной!

Блажен, кому чужда она!

Повар. Таков этот белый свет - от добродетелей один вред. Чем иметь добродетель, лучше иметь приятную жизнь, хороший завтрак, например, горячий суп. У меня его нет. А хотелось бы! Я солдат, но что толку от моя смелость во все битвы - ничего. Я голодаю, лучше бы я был трусом и сидел дома. А почему?

И Цезаря плохой конец

О многом говорит.

Был Юлий Цезарь храбр и смел,

И вот, смотрите, он убит.

Он высшей власти захотел,

И он вкусил ее сполна.

"И ты, мой сын", - вскричал герой.

Ну что ж, теперь мораль ясна:

Смелость концу его виной!

Блажен, кому чужда она!

(Вполголоса.) Даже не выглянули. (Громко.) Почтенный хозяин, хозяйюшка и слуги! Вы можете сказать: да, смелость - чепуха, она не прокормит, попробуйте честность! Уж тут ты, может, наешься, или хоть напьешься! Сейчас увидим.

Знаком вам древний грек Сократ?

Не лгал он никогда.

Он всех честней был во сто крат,

Но ведь и с ним стряслась беда.

Ему велели выпить яд,

И чашу выпил он до дна.

Погиб он смертию лихой,

И вам теперь мораль ясна:

Честность концу его виной!

Блажен, кому чужда она!

Да еще говорят: надо всем делиться, что есть. А когда нет ничего? Конечно,

благодетелям, наверно, тоже не легко, но только как человеку жить без похлебки? Да, доброта - это редкая добродетель, она не окупает себя.

Святой Мартин беде чужой
Всегда был рад помочь.
Он поделился с бедняком
Своим единственным плащом,
Замерзли оба в ту же ночь.
Святым награда не нужна!
Погиб Мартин, погиб святой,
И вам теперь мораль ясна:
Кротость концу его виной!
Блажен, кому чужда она!

Вот так и мы: мы люди честные, себя соблюдаем, не вороваем, не убиваем, не поджигаем, и, можно сказать, нам все хуже и хуже. И песня подтвердилась на нас: и супа не допросишься. Если бы мы быть вор или убийца, мы, как в песне говорится, были сыты. Ибо за добродетель добром не платят, а только за злодеяний, таков этот мир, и он не должен быть таков.

Мы десять заповедей чтим,
Простые люди мы.
Но это нам не помогло,
Еда нужна нам и тепло,
Мы докатились до сумы.
Как наша жизнь была честна!
Весь путь наш подвиг был сплошной.
Ну что ж, теперь мораль ясна:
Богобоязнь всему виной!
Блажен, кому чужда она!

Голос из дома. Эй, странники! Идите сюда! Миска похлебки для вас найдется!
Мамаша Кураж. Питер, мне сейчас кусок в горло не пойдет. Рассуждаешь ты вроде правильно, только скажи мне, последнее это твое слово или нет? Мы же с тобой ладили...

Повар. Последнее слово. Решать сама.

Мамаша Кураж. Мне решать нечего. Я дочь тут не брошу.

Повар. Это очень нерассудительно, но я ничего не могу делать. Я не зверский человек, да ведь трактир маленький! А теперь пойдем в дом, а то и здесь ничего не подадут, и мы напрасно горло драли на мороз.

Мамаша Кураж. Я Катрин позову.

Повар. Лучше захватить в доме что-нибудь для нее. Если вломиться втроем, мы их испугать.

Оба уходят. Из фургона вылезает Катрин с узелком в руках. Она оглядывается по сторонам и, видя, что мать и повар ушли, развешивает на колесе фургона старые штаны повара и юбку матери. Покончив с этим, она берет свой узелок. В это время

возвращается мамаша Кураж.

Мамаша Кураж (с миской супа в руках). Катрин, постой, Катрин! Ты куда это с узлом? Ты что, ума решилась? (Выхватывает у Катрин из рук узелок.) И вещички свои собрала! Ты, стало быть, слушала? Я же ему сказала: нет. На кой нам этот Утрехт и трактир его поганый? Чего мы там не видали? Нам с тобой в трактире делать нечего. Война-кормилица нас еще покормит. (Замечает на колесе юбку и брюки.) Ах ты, моя дуреха! Ну подумай, коли бы я это увидела, а тебя уже нет! (Удерживает Катрин, которая пытается вырваться.) Ты и не думай, что я ему из-за тебя отставку дала. Все из-за фургона нашего! Не расстанусь я со своей тележечкой, я к ней привыкла! Ты тут ни при чем. Поехали в другую сторону. А повару оставим его барахло, пусть подбирает, дурак этакий! (Залезает в фургон и выбрасывает оставшиеся вещь повара.) Ну вот, он у нас из доли вышел, теперь я никого больше не

возьму! Будем с тобой вдвоем тянуть ляжку. И этой зиме не век стоять! Впрягайся, Катрин, а то как бы снег не пошел.

Они впрягаются в фургон, разворачивают его и уезжают. Из дома выходит повар. Остолбенева, глядит он на свои разбросанные вещи.

X

Весь 1635 год мамаша Кураж скитается со своей дочерью по Средней Германии в обозе потрепанного войска.

Большая дорога. Мамаша Кураж и Катрин тянут фургон. Они проходят мимо крестьянского дома, из которого доносится песня.

Голос (поет).

О розе, милой розе

Мы песенку поем.

Мы розу посадили

Весной в саду своем.

Она цвела так пышно,

Так радовала взгляд!

О, счастлив тот, кому господь

Послал цветущий сад!

Сейчас шумят метели,

И холод так суров,

Но ветру не пробраться

Под наш уютный кров!

Пускай же злая вьюга

Бушует за окном,

О, счастлив тот, кому господь

Послал уютный дом!.. *

* Перевод Б. Заходера.

Мамаша Кураж и Катрин остановились, прислушались и поплелись дальше.

XI

Январь 1636 года. Императорские войска угрожают протестантскому городу Галле. Камни возопили. Мамаша Кураж теряет дочь и продолжает одна свои скитания. А войне все нет конца.

Обветшалый фургон стоит подле прилепившегося к скале крестьянского дома с высокой соломенной крышей. Ночь. Из леска выходят прапорщик и трое солдат в тяжелых доспехах.

Прапорщик. Шума не подымать! Кто пикнет - тесак в глотку!

Первый солдат. Надо же к ним постучать, раз нам проводник нужен.

Прапорщик. Стук - это не подозрительный шум. Противник подумает, корова в хлеву ворочается.

Солдаты стучатся в двери крестьянского дома. Им открывает старая крестьянка.

Ей зажимают рот. Двое солдат врываются в дом.

Мужской голос в доме. Что там?

Солдаты выводят из дома старого крестьянина и его сына, молодого парня.

Прапорщик (указывает на фургон, из которого выглядывает Катрин). Там еще одна.

Солдат выволакивает Катрин из фургона.

Кто еще у вас живет?

Крестьяне. Это наш сын. - А она немая. - Мать ее в город пошла за товаром. - Пока беженцы все дешево продают. - Они люди дорожные. Маркитантка мать у нее.

Прапорщик. Предупреждаю - соблюдать спокойствие. Никакого шума, иначе пика в глотку. Проводника мне! Показать тропу в город. (Указывая на парня.) Ты, подойди!

Парень. Я никакой тропы знать не знаю.

Второй солдат (ухмыляясь). Он никакой тропы знать не знает.

Парень. Я католикам не пособник.

Прапорщик (второму солдату). Пощекочи его пикой!

Парень (его поставили на колени и приставили к груди пикой). Хоть приколите - не пойду!

Первый солдат. Он у меня сейчас образумится. (Подходит к хлеву.) Две коровы, один вол. Слушай, ты, коли не образумишься, всю скотину перережу!

Парень. Скотину не трожь!

Старуха (плачет). Господин капитан! Пожалейте скотинку нашу, мы без нее с голоду помрем.

Прапорщик. Пропала ваша скотина, если он будет упрямиться.

Первый солдат (старика). С вола начну.

Парень (старика). Идти?

Старуха кивает.

Поведу.

Старуха. И дай вам бог здоровья, господин капитан, что вы нас пожалели. (Продолжает рассыпаться в благодарностях, но старик делает ей знак, чтобы она замолчала.)

Первый солдат. Не знаю я их, что ли! Скотина им дороже головы!

Парень, прапорщик и солдаты уходят.

Старик. Хотел бы я знать, чего они затеяли. Добра не жди.

Старуха. А может, просто лазутчики. Ты куда?

Старик (приставляет к стене лестницу и взбирается на крышу). Погляжу, есть с ними войско или нет. (Сверху.) У-у-у-у! Лес-то весь словно ожил! До самой каменоломни все шевелится! И на просеке латы блестят. Пушку подкатили! Да тут целый полк, а то и больше! Боже, смилуйся над городом и всеми, кто там есть!

Старуха. Свету в домах не видать?

Старик. Нет, спят. (Слезает.) Возьмут город - всех перережут.

Старуха. Часовой ведь есть, заметит.

Старик. Да, видно, часового на сторожевой башне они уже прирезали, а то бы он в рог затрубил.

Старуха. Будь нас побольше...

Старик. Ты да я, да эта немая...

Старуха. Стало быть, ничего не можем, говоришь?

Старик. Ничего.

Старуха. Нам ночью до города не добежать...

Старик. По всей горе ведь их полно. Кабы мы знак могли подать...

Старуха. Это чтобы и нас тут же прикончили?

Старик. Да уж, видно, ничего не поделаешь.

Старуха (Катрин). Молись, убогая, молись! Ведь поделаться мы ничего не можем. Сила-то у них какая! Молись, коли говорить не можешь. Никто тебя не слышит, а господь услышит. Я тебе подсоблю.

Все опускаются на колени. Катрин позади.

Отче наш, иже еси на небеси, услышь мольбу нашу - не дай погибнуть городу и всем, кто там есть. Они спят и ничего не ведают. Разбуди их, пусть встанут, на стены городские подымутся и увидят вражью силу, как она на них из лесу идет и с гор, с мечом и огнем. (Обернувшись к Катрин.) Защити мою мать старуху, чтобы часовой не спал, пусть проснется, а то поздно будет. И зятя нашего спаси и сохрани. Он тоже там в городе, четверо малых детей с ним. Не дай им погибнуть, младенцам невинным. (Снова, обернувшись к Катрин, которая стонет.) Старшенькому семь, а одному еще и двух нет.

Катрин подымается. Она вне себя.

Отче наш, услышь нас! Кто поможет, кроме тебя! Ведь силы у нас нет и мечей нет. Мы в руке твоей, и скотина тоже, и все хозяйство, и город тоже в руке твоей, а враг уже под стенами, и числа ему нету.

Катрин незаметно забирается в фургон, что-то достает оттуда, прячет под передник и по приставной лестнице влезает на крышу.

Смилуйся над детьми, пожалей невинных младенцев, и стариков немощных, и всякую тварь.

Старик. И отпусти нам долги наши, яко же и мы отпускаем должникам нашим. Аминь.

Катрин, сидя на крыше, достает из-под передника барабан и начинает в него бить.

Старуха. Свят-свят! Что это она?

Старик. Рехнулась девка!

Старуха. Стащи ее оттуда, живо!

Старик подбегает к лестнице, но Катрин успевает втащить ее на крышу.

Погубит нас она!

Старик. Сейчас же перестань, калека несчастная!

Старуха. Католиков на нас накличешь!

Старик (поднимая камень). Я тебя камнями побью!

Старуха. Пожалей нас! Неужто души в тебе нет! Пропали мы, коли они вернуться. Порубят они нас!

Катрин неподвижным взглядом смотрит вдаль, на город, и продолжает бить в барабан.

(Старику.) Говорила я тебе: не пускай ты этих бродяг на двор. Им и горя мало, что у нас последнюю скотину угонят!

Прапорщик (вбегает с солдатами и парнем). Всех искрошу!

Старуха. Господин офицер, мы не виноватые. Она потихоньку туда залезла. Чужачка она!

Прапорщик. Где лестница?

Старик. На крыше.

Прапорщик (кричит Катрин). Бросай барабан, приказываю!

Катрин продолжает бить в барабан.

Вы все одна шайка! Никто жив не останется!

Старик. Тут на опушке сосновые сляги лежат. Взять бы одну да спихнуть ее.

Первый солдат (прапорщику). Господин прапорщик! Я придумал, разрешите сказать? (Шепчет что-то прапорщику на ухо.)

Прапорщик кивает.

Эй ты, слушай! Мы тебе добром предлагаем. Слезай и пойдем с нами в город. Айда! Укажешь нам свою мамашу - ее никто не тронет.

Катрин продолжает бить в барабан.

Прапорщик (грубо отталкивает солдата). Она тебе не верит. По роже видать, что ты жулик! (Кричит Катрин.) Моему слову поверишь? Я офицер. Слово чести!

Катрин бьет в барабан сильнее.

Ничего святого у ней нет.

Парень. Господин офицер, это она не только из-за матери!

Первый солдат. Долго будет так барабанить - в городе услышат! Пора кончать!

Прапорщик. Надо самим какой-нибудь шум поднять, заглушить ее барабан. Чем бы это нам пошуметь?

Первый солдат. Нам же не велено шуметь.

Прапорщик. Дурья голова! Безобидный какой-нибудь шум, не военный!

Старик. Я могу слегу эту порубить.

Прапорщик. Давай руби!

Старик берет топор и начинает рубить слегу.

Сильней руби! Руби сильней, если жизнь дорога!

Катрин некоторое время барабанит тише, беспокойно оглядываясь.

Прислушавшись, продолжает барабанить с новой силой.

Никакого толку. (Первому солдату.) И ты руби!

Старик. Топор-то у меня всего один! (Перестает рубить.)

Прапорщик. Надо дом поджечь, выкурить ее!

Старик. Ни к чему это, господин капитан. Городские огонь тут увидят они сразу догадаются.

Катрин, продолжая барабанить, громко смеется.

Прапорщик. Она еще смеется над нами. Не потерплю! Я ее пулей сниму, будь что будет! Принести мушкет!

Двое солдат убегают. Катрин продолжает барабанить.

Старуха. Господин капитан, я чего надумала. Вот ихний фургон стоит. Порубите его, так она перестанет. У них, кроме фургона, ничего нет.

Прапорщик (парню). Руби фургон! (Катрин.) Мы твой фургон порубим, если не перестанешь барабанить!

Парень несколько раз слабо ударяет по фургону.

Старуха. Да перестань ты, стерва!

Катрин жалобно мычит, с отчаянием глядя на свой фургон, но продолжает бить в барабан.

Прапорщик. Где они пропали, раззявы, с мушкетом?

Первый солдат. Видать, в городе ничего еще не слышали, а то бы мы уж услышали ихние пушки.

Прапорщик (Катрин). Они ж тебя не слышат! А мы тебя сейчас пристрелим. Последний раз: брось барабан!

Парень (внезапно бросает топор на землю). Бей сильнее, а то все погибнут! Бей, бей сильнее...

Солдат валит его на землю и бьет древком пики. Катрин, рыдая, продолжает бить в барабан.

Старуха. По спине-то не бейте! Боже праведный, вы его до смерти убьете!

Вбегают солдаты с мушкетом.

Второй солдат. Полковник рвет и мечет, прапорщик! Нас всех под суд отдадут.

Прапорщик. Наводи! (Катрин, в то время как мушкет устанавливают на сошки.) Самый последний раз: прекрати!

Катрин, рыдая, бьет в барабан изо всех сил.

Пли!

Выстрел. Катрин, раненная насмерть, еще несколько раз ударяет в барабан и медленно падает.

Утихомирили!

Последние удары Катрин сливаются с громом городских пушек. Издали слышится набат и канонада.

Первый солдат. Добилась своего.

XII

Светает. Слышатся барабаны и трубы удаляющихся войск. Возле фургона сидит мамаша Кураж, склонившись над телом дочери. Рядом крестьяне.

Старик (сурово). Пора тебе, мать. Последний полк уходит. А то одна пропадешь дорогой.

Мамаша Кураж. Да ведь она, видно, спит еще. (Поет.)

Баюшки-баю!

Солома шуршит...

Другие детки плачут,

Моя - крепко спит...

Другие - все в рогоже

С дырой на боку,

А ты - как ангел божий

Вся в белом шелку!
Другие просят корку,
А ты - ешь пирожки,
А хочешь, дам и торту
Из белой муки!
Баюшки-баю!
Солома под ногой...
Лежит один сын в Польше,
Бог знает, где другой... *

* Перевод Б. Заходера.

И зачем только вы ей про внучат поминали!

Старик. Кабы тебя самое, мать, в город не понесло, может быть, все бы и обошлось.

Мамаша Кураж. Вот и уснула...

Старуха. Не видишь разве: не спит она - преставилась.

Старик. А тебе пора, пора. Кругом волки, да того хуже - мародеры.

Мамаша Кураж (поднимается). Да. (Достает из фургона мешковину, чтобы укрыть тело.)

Старуха. У тебя еще-то родня есть? Примет тебя кто?

Мамаша Кураж. А как же? Сын остался, Эйлиф.

Старик (пока мамаша Кураж укрывает тело дочери). К нему и подавайся. А ее мы похороним честь честью. Ты не сомневайся.

Мамаша Кураж. Нате вам на похороны. (Дает крестьянину деньги.)

Крестьянин и его сын пожимают ей руку и уносят тело Катрин.

Старуха (уходя). Торопись!

Мамаша Кураж. Даст бог, одна с фургоном управлюсь. Ничего - совсем пустой ведь. Надо опять торговлю налаживать.

Снова слышатся рожки и барабаны проходящего полка.

Эй, и меня прихватите!

Из-за сцены доносится пение.

Война удачей переменной

Сто лет продержится вполне,

Хоть человек обыкновенный

Не видит радости в войне:

Он жрет дерьмо, одет он худо,

Он палачам своим смешон.

Но он надеется на чудо,

Пока поход на завершен.

Эй, христиане, тает лед!

Спят мертвецы в могильной мгле.

Вставайте, всем пора в поход,

Кто жив и дышит на земле!

ПРИМЕЧАНИЯ

После первой постановки "Мамаши Кураж" - это было в Цюрихе во время гитлеровской войны, главную роль играла несравненная Тереза Гизе, и зал был наполнен людьми антифашистских и пацифистских взглядов, в основном немецкими эмигрантами, - буржуазная пресса сочла возможным заговорить о трагедии Ниобеи, о потрясающей, неистребимой живучести материнского начала. Получив такое предостережение, автор, готовя пьесу для постановки в Берлине, внес в текст некоторые изменения. Ниже следует первоначальный текст.

Сцена I, стр. 17.

Мамаша Кураж. Ухо остро держите! И - поехали.

Фельдфебель. Мне что-то не по себе.

Вербовщик. Простыл, наверно. Снял шлем, а стоишь на ветру.

Фельдфебель вырывает свой шлем.

Мамаша Кураж. А ты мне бумаги отдай. Еще кто-нибудь ненароком привяжется - куда тогда без бумаг денуться? (Укладывает бумаги в банку.)

Вербовщик (Эйлифу). Ты хоть погляди, какие ботфорты! Заодно пропустим по маленькой. Пошли, пошли за фургон, деньжата есть, гляди.

Уходят за фургон.

Фельдфебель. Никак не пойму. Всегда ведь позади держусь. Безопасней места нет, чем наше, фельдфебельское. Знай посылай других вперед - славу добывать. Эх, обед мне испортили! Кусок в горло не полезет.

Мамаша Кураж. Что ж ты так близко к сердцу принимаешь? Уж и аппетит потерял. Ты свое дело помни, держись позади. На-ка вот, выпей, служивый, и не обижайся. (Идет в фургон и наливает ему водки.)

Вербовщик (берет Эйлифа под руку и уводит). Все равно твое дело пропащее. Ты же крест вытащил, чего тебе еще? Десять гульденов тебе на руки, ты герой, сражаешься за короля, от баб отбоя нет! А мне в любое время можешь дать по морде, коли я тебя обидел.

Оба уходят.

Немая Катрин глухо, протяжно мычит, она заметила, что Эйлифа увели.

Мамаша Кураж. Сейчас, дочка, сейчас. Господину фельдфебелю нездоровится, он в приметы верит. Вот уж чего бы не подумала. А теперь поехали. Где там Эйлиф пропал?

Швейцарец. Он, наверно, с вербовщиком ушел. Они там все толковали.

Сцена V, стр. 49.

Мамаша Кураж (второму солдату). Что? Платить нечем? Нет денег - нет водки! Победу трубить - они все тут, а жалованье платить - их никого нет.

Солдат (с угрозой). А мне водки подай! Опоздал я, когда город грабили. Всего на один час нам город и отдали. Командующий сказал - он не зверь какой. Говорят, подмазали его горожане.

Священник (входит запыхавшись). В том дворе еще раненые есть. Целое семейство. Помогите мне кто-нибудь. Бинты нужны.

Второй солдат уходит со священником.

Мамаша Кураж. Ничего у меня нет. Бинты все распродала полковым. А офицерские сорочки я рвать не дам.

Голос священника. Давайте бинты, я же вас просил.

Мамаша Кураж (копаясь в белье). Не дам! Они не заплатят, потому - им нечем.

Священник (вносит раненую крестьянку). Почему вы не ушли, когда пушки начали стрелять?

Крестьянка (слабо). Хозяйство.

Мамаша Кураж. Уйдут они, как бы не так. Ах, какие сорочки! Завтра явятся господа офицеры, а у меня товара нет! (Бросает одну сорочку; Катрин несет ее крестьянке.) И зачем я ее отдаю? Я, что ли, войну начала!

Первый солдат. Лютеране они. И на что им такая вера сдалась?

Мамаша Кураж. Толкуй тут про веру, когда у людей дом развалили.

Второй солдат. Никакие они не лютеране, они сами католики.

Первый солдат. Ядро - оно веры не разбирает.

Крестьянин (входит, опираясь на священника). Остался я без руки!

Из дома доносится жалобный детский плач.

Священник (крестьянке). Лежи!

Мамаша Кураж. Дите спасайте!

Катрин бросается в дом.

(Рвет сорочки.) Полгульдена штука. Разор! Да вы поаккуратней с ней, может, хребет задело. (Катрин, которая появляется с младенцем на руках.) Рада без памяти! Опять младенца приволокла! Все бы тебе нянчиться! Отдай матери сию же минуту, а то потом его у

тебя без драки не отнимешь. Слышишь ты?

Катрин не обращает внимания.

От ваших побед мне одни убытки. Да вы поменьше полотна накручивайте, отец, оно денег стоит!

Священник. Давайте еще. Никак не остановить кровь.

Мамаша Кураж (подойдя к Катрин). Полюбуйтесь на нее: кругом беда такая, а эта дуреха рада-радехонька! Отдай его сейчас же, вон мать уже очнулась.

Катрин нехотя отдает крестьянке ребенка.

(Тем временем рвет еще одну сорочку.) Ничего не дам, не могу я, надо и о себе подумать! (Второму солдату.) А ты чего глаза таращишь? Поди лучше скажи, чтобы они свою музыку прекратили, мне и тут видно, что у них победа. Выпей стакан водки, святой отец, не спорь, я и так злая! (Спрыгивает с фургона, чтобы вырвать Катрин из объятий пьяного Первого солдата.) Ты что, скотина? Ишь ты, победитель! Постой, куда? Сперва плати! (Крестьянину.) Цел твой малыш. Ты подложи ей (показывает на крестьянку) что-нибудь под голову. (Первому солдату.) Тогда шубу давай - все равно краденая.

Первый солдат выходит пошатываясь. Мамаша Кураж рвет одну сорочку за другой.

Священник. Там еще кого-то завалило.

Мамаша Кураж. Не волнуйся, все порву.

Сцена VII, стр. 59.

Тракт. Мамаша Кураж, священник и Катрин тянут фургон. Он обшарпан, грязен, но увешан новыми товарами.

Мамаша Кураж (поет).

Иной хитрит, юлит, хлопочет,

Вовсю противится судьбе,

Себе нору он вырыть хочет

Могилу роет он себе.

Кто отдохнуть от шума боя

Стремится, не жалея сил,

Тот в царстве вечного покоя

Пускай поймет, куда спешил.

Припев "Весна идет" она играет на губной гармонике.

Сцена XII, стр. 82.

Крестьяне. Пора тебе, мать. Последний полк уходит. А то одна пропадешь дорогой.

Мамаша Кураж. Она еще дышит. Может, уснет.

В крестьянских войнах, этом величайшем несчастье в истории Германии, Реформация потеряла свои клыки, лишилась социального содержания. Остались коммерция и цинизм. Мамаша Кураж - да будет это сказано в помощь режиссерам, - как и ее друзья и клиенты и почти все встречные и поперечные, распознает в войне ее чисто меркантильную сущность: как раз это ее и привлекает. Она верит в войну до конца. Ей и невдомек, что тот, кто хочет отрезать кусок от пирога войны, должен запастись большим ножом. Неправы те свидетели потрясений, которые думают, что потерпевшие чему-нибудь научатся. Пока массы остаются о_б_ь_е_к_т_о_м политики, все, что с ними случается, они воспринимают не как опыт, а как рок; пережив потрясение, они узнают о его природе не больше, чем подопытный кролик о законах биологии.

Задача автора пьесы не в том, чтобы заставить в конце прозреть мамашу Кураж - хотя она кое-что уже видит в середине, пьесы, к концу сцены VI, а затем вновь теряет зрение, - автору нужно, чтобы зритель видел.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

МАМАША КУРАЖ И ЕЕ ДЕТИ

(Mutter Courage und ihre Kinder)

На русский язык пьеса была переведена С. Аптом, опубликована отдельным изданием и в одном томе: Б. Брехт, Пьесы, М, "Искусство", 1956. Настоящий перевод Б. Заходера и В. Розанова публикуется впервые.

"Мамаша Кураж и ее дети", носящая подзаголовок "Хроника времен Тридцатилетней войны", написана в Швеции осенью 1939 г. Источником пьесы послужила повесть немецкого прозаика XVII в. Ганса Якоба Кристофеля фон Гриммельсгаузена (1621-1676) "Подробное и удивительное жизнеописание отъявленной обманщицы и бродяги Кураж" ("Ausführliche und wunderseltame Lebensbeschreibung der Erzbetrügerin und Landstorzerin Courage" - 1670), которая является своеобразным продолжением прославленного романа Гриммельсгаузена о Симплициссимусе и вместе с двумя другими повестями входит в цикл "Симплицианских сочинений". Гриммельсгаузен показывает читателю события Тридцатилетней войны, участником которой он сам был с 1635 до 1657 г. в качестве конюха, рядового солдата, писца.

Кураж у Гриммельсгаузена - авантюристка, которая путается с полковыми офицерами, богатеет, накапливает имущество, так что ей приходится возить его с собой в фургоне. Но затем она терпит неудачу и становится маркитанткой. Образ героини Гриммельсгаузена расщепился у Брехта на двух персонажей его пьесы - Иветту Потье и Анну Фирлинг, по прозвищу мамаша Кураж. Последняя приобрела новые черты - она стала символом обывателей, стремящихся разбогатеть на войне и забывающих о той кровавой цене, которую приходится платить за эту кажущуюся выгоду. Трагическая вина мамы Кураж в непонимании ею происходящих вокруг событий, в ее политической слепоте. Пьеса Брехта учит необходимости понимать общественный смысл событий, - иначе любой, даже внутренне богатый человек может оказаться пособником преступлений и их жертвой. Позднее Брехт признавался: "Когда я писал, мне представлялось, что со сцен нескольких больших городов прозвучит предупреждение драматурга, предупреждение о том, что кто хочет завтракать с чертом, должен запастись длинной ложкой. Может быть, я проявил при этом наивность, но я не считаю, что быть наивным - стыдно. Спектакли, о которых я мечтал, не состоялись. Писатели не могут писать с такой быстротой, с какой правительства развязывают войны: ведь чтобы сочинять, надо думать. Театры слишком скоро попали во власть крупных разбойников. "Мамаша Кураж и ее дети" - опоздала" (цит. по статье; "Hans Bunge, Brecht im zweiten Weltkrieg. - "Neue Deutsche Literatur", 1962, N 3, S. 46-47).

Первое представление состоялось 19 апреля 1941 г. в театре "Шаушпильхауз" в Цюрихе (Швейцария) с участием немецких и австрийских эмигрантов. Режиссер спектакля - Линдберг, художник - Тео Отто. Главную роль исполняла Тереза Гизе; роль Эйлифа - известный немецкий театральный деятель и литератор Вольфганг Лангхоф, в то время живший в Швейцарии в эмиграции. Здесь, в оформлении Тео Отто, уже предсказан облик будущего спектакля "Берлинского ансамбля" - изменится в основном только задний план сценического пространства. Критика одобрительно приняла пьесу, "о Брехт был огорчен, что "буржуазная печать сочла возможным заговорить о трагедии Ниобеи, о потрясающей неистребимой живучести материнского начала (Lebenskraft des "Muttertiers")", пройдя, таким образом, мимо актуального, общественно-политического звучания пьесы. В связи с этим драматург написал новые варианты картин I и V. Чтобы понять эволюцию замысла, достаточно сопоставить окончательный текст этих картин с приложенным первоначальным вариантом. В картине V (Саксония. 1631 г.) маркитантка Кураж разрывала дорогие офицерские сорочки на бинты для раненых - она скрепя сердце уступала инстинкту человеческой жалости. В последнем варианте верх одерживает другой инстинкт - собственности, и рубашки силой вырывает у нее Катрин, которой помогает священник. Так углублялась социальная характеристика героини.

Новый текст был использован в послевоенной постановке берлинского "Дойчестеатер", которым в то время уже руководил исполнитель роли Эйлифа в Цюрихе Вольфганг

Лангхоф. Премьера спектакля состоялась 11 января 1949 г. Режиссеры - Бертольт Брехт и Эрих Энгель, художники - Тео Отто и Генрих Клиндер, композитор - Пауль Дессау. Роли исполняли: Кураж - Елена Вайгель, Эйлифа - Эрнст Калер, Катрин - Ангелика Хурвиц, повара - Пауль Бильдт, Иветты - Рената Кейт, священника - Вернер Хинц. С этим спектаклем родился будущий театр Брехта "Берлинский ансамбль". В статье, посвященной десятилетию спектакля и "Берлинского ансамбля", критик Герберт Иеринг писал: "Чем эта постановка принципиально отличалась от других спектаклей? Прежде всего ясностью мысли, которую Брехт противопоставлял патетической косности, утвердившейся во многих спектаклях гитлеровского времени. То было искусство, признававшее, что стиль и народность должны слиться воедино, чтобы вернуть театру в Германии важнейшую художественную функцию". И далее критик, говоря о театре "Берлинский ансамбль", замечает: "Слово, режиссура, актерское мастерство, оформление сцены соответствовали друг другу. Бертольт Брехт, Эрих Энгель, Каспар Неер, Елена Вайгель, Эрнст Буш, Ангелика Хурвиц - все они слились в коллектив, как до того Гергард Гауптман, Отто Брам, Оскар Зауэр, Эльза Леман" ("Sinn und Form", 1959, Э 1, S. 145-146). Названный в этом перечислении Эрнст Буш присоединился к труппе, исполнявшей "Мамашу Кураж", немного позднее. 11 сентября 1951 г. Брехт и Энгель, отмечая сотое представление пьесы, выпустили новый вариант спектакля, несколько обновив состав исполнителей: вместо Пауля Бильдта роль повара стал играть Эрнст Буш, Иветты - Регина Луц и Карола Браунбок, Эйлифа, наряду с Калером, - Эккехард Шалль, а священника - Эрвин Гешонек и Вольф Кайзер. Слава спектакля еще более возросла. Уже увенчанный в 1949 г. Национальной премией ГДР, коллектив "Берлинского ансамбля" был отмечен в 1954 г. первой премией на Всемирном театральном фестивале в Париже. Спектаклю "Берлинского ансамбля" посвящена огромная критическая литература, причем исследователи единодушно отмечают его выдающееся художественное значение в истории современного театра. "Мамаша Кураж" исполнялась труппой Брехта во многих странах мира - уже к концу 1958 г. спектакль был показан зрителям ряда городов ГДР и ФРГ, Парижа, Вены, Лондона, Праги, Братиславы, Москвы и Ленинграда (гастроли в СССР - май 1957 г.). Советские критики, отмечавшие рационалистический стиль постановки, не совпадающий (как писали некоторые авторы) с традициями русского театра, тем не менее единодушно сошлись в высокой оценке спектакля. Характерен вывод, сделанный Ю. Юзовским на анализе спектакля: "Мы находим, что... в театре несколько нарушен баланс между разумом и чувством, что законное господство и даже, допускаем, диктатура разума перерастают законные рамки, что подозрительность, какую театр обнаруживает к эмоциональной сфере, "е всегда бывает оправдана и что разумнее было бы привлечь эти чувства на службу разуму, оказав им больше доверия, что, конечно, и будет вознаграждено" ("Театр", 1957, Э 8, стр. 164). Впрочем, другие критики рассуждали иначе. А. Аникст: "...в "Мамаше Кураж" разум и чувство органически слиты как в пьесе, так и в спектакле" (там же, стр. 171); А. Мацкин: "В спектакле "Мамаша Кураж" Брехт - драматург, режиссер и теоретик выступает в счастливом единстве; это вершина его эпического, так называемого "антиаристотелевского" искусства. И наша позиция зрителей вполне соответствует идеалу Брехта... Только в драматические минуты действия... вопреки кодексу Брехта, мы из зрителей _наблюдающих_ превращаемся в зрителей _сопереживающих_" (там же, стр. 168); Е. Книпович: "Литературный образ мамы Кураж неотделим от сценического воплощения его, данного Еленой Вайгель. Запрокинутое ввысь узкое, скуластое лицо удалой маркитантки, поющей песню о войне, и то же лицо, полное гнева, когда, глядя в окровавленное лицо Катрин, мамаша Кураж шлет проклятия войне. А рука ее в это же время жадно ощупывает мешок с военным товаром, который по ее приказу, с опасностью для жизни, принесла дочь" ("Иностранная литература", 1963, Э 4, стр. 211).

Высокую оценку в советской печати получила работа художника. Е. Луцкая писала о великолепном использовании сценической детали, превращающейся в метафору авторской идеи: "Художник (Тео Отто) находит одну деталь и исчерпывающе раскрывает в ней весь смысл спектакля, весь ход его развития во времени... Сцена обнажена, но сама эта

обнаженность - образ опустошенной войнами земли... Буквы из обугленных обломков и обрывков проволоки, повисшие над пустой сценой, - таков внешний облик спектакля" ("Театр", 1957, Э 8, стр. 177-478).

Сам Б. Брехт не настаивал на единственности решения, найденного "Берлинским ансамблем", но требовал соблюдения важнейших условий своего замысла, для чего подготовил к изданию "модель" спектакля "Мамаша Кураж", в примечаниях к которой писал под заголовком "Что в основном должна показать постановка "Мамаши Кураж": "Что на войне большую коммерцию ведут отнюдь не маленькие люди. Что война, являющаяся ведением той же коммерции, но другими средствами, уничтожает человеческие добродетели даже самых добродетельных людей. Что можно пойти на любые жертвы, лишь бы одолеть войну". Когда в Дортмунде в 1949 г. был подготовлен спектакль, не отвечавший этим требованиям Брехта, автор запретил его исполнение, - генеральная репетиция 28 мая 1949 г. была и последним представлением пьесы.

В 1950 г. Брехт при участии художника Тео Отто поставил "Мамашу Кураж" в мюнхенском театре "Каммершпиле", повторив в основном берлинский спектакль, но приспособив его к индивидуальным особенностям актеров: Кураж - Тереза Гизе, Эйлиф - Ганс Христиан Блех, Катрин - Эрни Вильгельми, повар - Фридрих Домин, священник - Петер Люр, Иветта - Ирмгард Лапслен.

Вслед затем "Мамашу Кураж" поставили многочисленные театры ГДР и ФРГ. Отметим наиболее известные постановки.

Гамбург, октябрь 1952 г. Режиссер - Ганс Лицау, художник - Конярский. В ролях: Кураж - Ида Эре, Катрин - Хильда Краль.

Маннгейм, май 1953 г. Режиссер - Пауль Риди, художник - Ганс Генрих Палич. В ролях: Кураж - Клара Вальдбрель, Катрин - Альдона Эрет.

Бремен, декабрь 1955 г. Режиссер - Ганнес Рацум, художник - Манфред Милгер.

Геттинген, сентябрь 1956 г. Режиссер - Эбергард Мюллер-Эльмау, художник - Вильгельм Преториус. В ролях: Кураж - Грета Вурм, Катрин Альдона Эрет, повара - Гильперт.

Штутгарт, май 1958 г. Режиссер - Э. - Ф. Брюкльмайер, художница - Лени Вауэр-Энн. В ролях: Кураж - Мила Копп, повара - Манке.

Особо следует выделить спектакль во Франкфурте-на-Майне, 20 мая 1958 г. Режиссер - Гарри Буквиц, художник - Тео Отто. В ролях: Кураж - Тереза Гизе, священника - Вольфганг Ширлиц, Катрин - дочь Брехта Ханна Хиоб. Этот спектакль, поставленный по брехтовской "модели", имел, по отзывам прессы, большое общественно-пропагандистское значение в борьбе за атомное разоружение, вокруг проблем которого в то время велась ожесточенная полемика.

Следует отметить еще одну постановку "Мамаши Кураж": в марте 1960 г. известный немецкий режиссер Эрвин Пискатор, в двадцатые годы соратник Брехта в области революционного искусства, поставил пьесу в театре г. Касселя. Несмотря на большую творческую близость в течение ряда лет, Пискатору до того не пришлось ставить ни одной пьесы Брехта. Рецензент Вилли Фец, отмечая отдельные слабости в игре Риты Мош - Кураж и Эрики Хельмерт - Катрин, хорошее исполнение ролей повара Гансом Музеусом и священника - Гербертом Пробстом, указывает на предпринятые режиссером изменения текста (сокращения очень важной картины V, появления крестьянки с сыном в VIII и целиком всей картины X), он пишет: "Об уважении Пискатора к Брехту и о его скромности говорит тот факт, что, он в основном придерживался знаменитой модели "брехтовской постановки... Пискатор преследовал ту же цель, что и Брехт: показать, что война не что иное, как совокупность коммерческих предприятий, несущих гибель маленьким людям, которые и до сих пор у нас еще думают, что на войне можно нажиться, ничего за это не платя" ("Deutsche Woche", 1960, 9 марта).

За двенадцать лет, с 1949 по 1961 г., в театрах ГДР были осуществлены двадцать три постановки "Мамаши Кураж".

Триумфальное шествие пьесы Брехта по сценам всего мира началось в пятидесятые годы. Отметим спектакли в Польше: Варшава, Еврейский государственный театр, июль 1957 г., переводчик, режиссер и исполнительница роли Кураж - Ида Каминская: варшавский "Театр Народови", 1961 г., перевод Станислава Ежи Леца, режиссер - Сбигнев Саван, художник - Эугениуш Марковский, в ролях: Кураж - Ирена Эйхлеровна, Катрин - Иоанна Вальтеровна, Эйлифа - Мечислав Каленик, повара - Анджей Жалавский, Иветты - Барбара Фийевска. Пресса оценила этот спектакль как большое достижение польской театральной культуры (ср. статью Марии Чанерле в польском журнале "Театр", 1962, Э 7, стр. 8-9, и газету "Трибуна люду", 1962, 17 февраля).

Болгария, театр г. Бургаса, 1958-1959 г. Режиссер - Николай Фолл.

Венгрия, драматический театр им. Катона Йожефа в Будапеште, 1958.

Голландия. В Амстердаме пьеса была поставлена при участии Брехта с Ааф Боубер в главной роли (см. подробно в кн.: "Theaterarbeit", Dresden, o. J., изданной "Берлинским ансамблем"). "Сын самой Ааф Боубер был депортирован нацистами, она так его больше и не увидела. Каждый раз, когда на репетициях она стояла у трупа, ей становилось дурно и она не могла владеть собой. Ааф Боубер сорок лет играла в натуралистическом театре, пользуясь только методом перевоплощения. Регистр чувств у нее богатый, как орган... Для многих исполнительниц роли Кураж самое трудное - так подавать свою жалость к многострадальной торговке, чтобы можно было представить ее асоциальную позицию, ее причастность войне и неспособность чему-нибудь научиться..." ("Theaterarbeit", стр. 328). В процессе репетиций Ааф Боубер и усвоила новую систему актерской работы.

Франция. В 1951 г. Национальный Народный театр (ТНП) поставил "Мамашу Кураж" (перевод Ж. Серро и Б. Бессона). Режиссер - Жан Вилар, художник Эдуард Пиньон. Роль Кураж исполняла Жермен Монтеро, которая, как писал один из критиков, "несмотря на игру, далекую от брехтовских принципов, создала незабываемый образ". Спектакль несколько лет шел на сцене ТНП с неизменным успехом.

"Мамаша Кураж" шла и идет также в театрах Англии: первая постановка "Тиетр Уоркшоп Компани", 1955 г.; в 1958 г. - спектакль "Юнайтед Тиетр Сосайети", перевод Э. Бентлея. Режиссер - Хайнц Бернанд, художник-Роберт Дайсон.

США, премьера в "Клайвлэнд Плейхаус", 1959 г., перевод Э. Бентлея. Режиссер - Бенно Франк. В роли Кураж - Гарриет Бразье,

Финляндия, 1959 г. В роли Кураж - Кундель Хенриксен, а также в Греции, Аргентине, Израиле (1951 г., театр "Габима"), Японии и др.

Пьеса Б. Брехта начинает завоевывать подмостки Советского Союза. В 1960 г. ее поставил Московский театр им. Маяковского, перевод Б. Заходера и Вс. Розанова, текст песен С. Болотина и Т. Сикорской. Режиссер - М. Штраух, художник - К. Кулешов. В ролях: Кураж - Ю. Глизер, Эйлифа - А. Ромашин, Катрин - Т. Карпова, повара - П. Аржанов, священника - С. Морской. Спектакль по своим постановочным принципам далек от брехтовской "модели" и от принципов эпического театра; он доказывает возможность различных режиссерских трактовок драматургии Брехта, в большой степени удовлетворяя требованиям главного режиссера театра им. Маяковского Н. Охлопкова, стремящегося создать "театр потрясения".

"Давно на нашей сцене не было такого острого, современного, масштабного спектакля", - писал А. Анастасьев ("Правда", 1961, 29 марта). Характеризуя постановку, критик Н. Толченова писала: "Здесь Брехт звучит грозно, мрачно. Он объемлен и торжествен, словно музыка Бетховена в органном исполнении. За обликом людей средневековья - участников Тридцатилетней войны - отчетливо видишь словно самую человеконенавистническую сущность агрессии. На сцене оживает в образах страшная философия грабежа и насилия, возникают ее уродливые порождения, вызванные хищническими стремлениями к наживе... Художник К. Кулешов работал над постановкой, осуществляя все ее детали картинно, восстанавливая на сцене эпоху в добротной реалистической манере". Далее критик задает себе вопрос: "Мешает ли это зрителю

улавливать вполне современный смысл разговора, который ведет Б. Брехт?" И отвечает - с несколько преувеличенной категоричностью: "Да несколько". Преувеличенной потому что традиционность декораций и мизансцен в известной мере противоречит стилистике брехтовской. пьесы, а игра Ю. Глизер, сама по себе превосходная, напоминает то, что мы знаем о первоначальном стиле игры голландской актрисы Ааф Боубер - стиле, впоследствии преодоленном под руководством Брехта-режиссера. В. Комиссаржевский допускал правомерность обеих манер исполнения. "В решении Е. Вайгель, - писал он, - своя огромная сила обвинения войны, у Глизер - своя. Большая талантливая работа большой актрисы. Удивительно хороша в этом спектакле актриса Т. Карпова - Катрин. Ее безмолвная жизнь на сцене поразительно красноречива" ("Московская правда", 1961, 8 февраля).

О постановке "Мамаши Кураж" в Таллинском академическом театре им. Кингисеппа (премьера 21 октября 1962 г., перевод В. Крууспере, режиссер Илмар Таммур, художник - Ахти Индов, в ролях: Кураж - Айно Талви и Лиси Линдау, Катрин - Ита Эвера) критик Ю. Мьююр писал: "...увиденный спектакль автору этих строк показался наиболее близким Брехту по духу и манере исполнения... Режиссер исходил из верных предпосылок - спектакль в основном выдержан в строго повествовательной манере. И лишь местами (сцены смерти сына, похороны Катрин) постановщик, словно убоившись, что спектакль может показаться зрителю слишком не. привычным или скучным, отходит от верно взятого тона" ("Советская Эстония", 1962, 17 ноября).

В последние годы "Мамаша Кураж" с успехом ставилась также в Новосибирском театре "Красный факел" (1961), в Приморском краевом театре им. Горького во Владивостоке (1962), Хабаровском краевом театре драмы (1962), в театре им. Марджанишвили в Тбилиси (1963) и др.

Стр. 6. Тридцатилетняя война (1618-1648). - Для Германии, которая была главным театром военных действий, война стала национальной катастрофой. В течение тридцати лет Германию опустошали войска Франции, Швеции, Дании, а также и собственные армии, как протестанты, так и католики. Брехт, желая выступить против разорительной для народа, губительной для страны войны, избрал Тридцатилетнюю войну, в которой фактически не было победителей - все участвовавшие в ней стороны потерпели поражение.

Стр. 9. Военачальник Оксеншерна Аксель (1583-1654) - шведский полководец и политический деятель.

Стр. 23. ...песня про солдата и его жену. - Брехт написал первый вариант этой песни в 20-х годах. Она входила в состав сборника "Домашние проповеди" (Bert Brecht's Hauspostille, 1927), в раздел "Хроники". Вторая строфа, которую поет Кураж, отличается от раннего варианта.

Стр. 30. Император всех поработил... - Имеется в виду император Священной римской империи Матвей (1612-1619). Король - шведский король Густав II Адольф (1594-1632).

Стр. 45. Vouque la Madonne! - французское ругательство.

Стр. 51. ...пся крев! - польское ругательство.

Стр. 72. Знаком вам мудрый Соломон... - См. примечание к стр. 229 I тома.

Е. Эткинд